

**Виктор Ночкин
Илья Новак
РУССКИЙ КОСМОС**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168382
Русский космос: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29766-5*

Аннотация

Будущее наступило: решена проблема перенаселения, исчезла экологическая угроза, религиозная и национальная рознь. Единое всепланетное государство раскинулось на шесть континентов, и лишь в резервациях на границе живут отщепенцы, не пожелавшие влиться в глобальное человечество. Тимур Жилин, послушник Соборной Академии Воздушно-Космических Сил, вылетает на свое первое боевое задание. Необходимо раскрыть тайну неожиданного исчезновения обитателей Гуманитарного лагеря, расположенного на территории бывшей Америки. Однако Тимур мечтает о другом, он хочет нести службу в открытом космосе... И мечты его сбываются неожиданно быстро. Грядут потрясения, которых не знала Солнечная система, – межпланетная война с космическим врагом. Космос будет наш!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	13
I	13
II	19
III	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Илья Новак, Виктор Ночкин

Русский космос

Но и беспечность какая! Только под взглядом отца!
Дмитрий Быков

ВЕРА ЕСТЬ СЛОВО, ДЕЛО И РАЗУМ

Пролог

Во имя Всевечного, великого и милосердного: отринь суетные мысли, сосредоточься на задании!

Пытаясь сохранить подобающую кадету-послушнику серьезность, Тимур в который раз оглядел трюм военно-транспортного челна. Тусклая светопанель озаряла сидящих вдоль прохода братьев по оружию и преподобного офицера Карена Шахтара, его неподвижное лицо с крупными чертами, короткие темные волосы и седые брови. Ну что тут скажешь? Восхищения достойна неустрашимая личность офицера Шахтара – муж суровый, сильный, на такого всегда положиться можно, и приказы его выполняешь с радостью да усердием. Тим и восхищался, но при этом сложные чувства его обуревали, он к таким не привык, поэтому весь полет между Украинским и Французским округами вел с самим собою муторный внутренний диалог.

Перестань. Подобные мысли неуютны Отцу Небесному. Но как же! Для чего нужны были все эти тренировки, лекции, зубрежка, учебные тревоги посреди ночи и тяжкое, с потом и кровью, освоение высокоруса? Чтобы только на последнем курсе САВКСа отправиться в свой первый боевой вылет? Да и стыдно сказать: боевой! Какой же боевой, когда предстоит всего лишь разогнать демонстрантов, как их... некоммунистов. Так вот именно! Именно для того и нужны тренировки, что не ясно? Это же только начало, на тебя посмотрят в деле...

Вздыхнув, он огляделся исподлобья. В трюме поместилось тринадцать человек: пятеро иеросолдат, семеро послушников-кадетов и преподобный Шахтар. Он восседал спиной к пилотской кабине, широко расставив ноги, навалившись ладонями на набалдашник боевого офицерского посоха. У остальных оружие попроще и не летальное, а умиротворяющее. Солдаты вооружены «каракатицами» и пистолетами-силовиками, кадеты – щитами-зонтиками да пальчиковыми кнутами. Это правильно. Не против врагов каких воевать летим, а против своих же, пусть они и францы. Да и не убивать, а усмирить только, в разум вернуть. Слышанное ли дело – громить блинную! Ну чем им блинная не угодила? Ведь вкусно же кормят; Тимур помнил это еще со времен гражданской юности, закончившейся, когда он поступил в Соборную Академию.

Светопанель мигнула – значит, подлетаем. Парни зашевелились, проверяя оружие. Нет, не все они – «парни». Последней в ряду напротив сидела девушка Настя, по прозвищу Настышка-десантница, из Духовной Семинарии женского верославного корпуса. Тоже кадет-послушник. Или послушница? Наверное, самая боевитая из них, раз ее решили на совместное задание отрядить. Близость девушки волновала Тимура. И смущала, хотя одета Настышка в такой же, как у остальных, травянисто-зеленый костюм, мягкая броня скрывает всякие половые признаки. И стрижка короткая совсем. Но все же...

Электронные часы в задней части трюма тихо прозвенели колокольчиками, крошечными копиями колоколов Триждыстроенного храма. Время полудневной молитвы. В церкви надобно молиться, оборотившись к особой нише в стене, которая показывает направление

к Горнему миру, состоящему из Каабы и пяти ветвей Сидры вокруг нее. Но как в железной утробе транспортного челна определить верное направление? Да к тому же – ведь подлетаем! Есть ли время для молитвы? Все уставились на офицера, а тот медленно опустился на колени. Аккуратно посох рядом положив, повернулся к правому борту. Остальные с облегчением повторили его движение, и Тимура охватила почтительная благодарность. И гордость: вот он, офицер Карен Шахтар, отец-командир в настоящем смысле этих слов! А для молитвы всегда найдется время, даже на поле боя.

Карен покосился на Настьку-десантницу, ведь семинаристам положено молиться отдельно. Тимур решил было, что сейчас он велит ей уйти в хвостовой отсек, Настька же поглядывала на офицера одновременно с вызовом и смирением. Но в особых случаях допускаются исключения, потому командир, едва заметно кивнув, смежил веки и голову склонил. Тимур поспешно принялся за молитву, забормотал едва слышно: «Все вечный, един и неделим, не родил и не был рожден, и не был равен Ему ни один, нет вечного, кроме Все вечного, а Старец Кадмон – Посланник Его...»

Молитва не удалась. Слишком непривычная обстановка и слишком сложными чувствами охвачен Тимур Жилин, поэтому шепчет, не понимая смысла слов (который, впрочем, никогда особо понять и не мог), но главное – не проникаясь ими, не *смыкаясь чувственно*. Так это называет отец дружины, офицер-богослов Карен Шахтар: смыкаться с молитвою чувственно, то есть растворяться в ней, позабыв про мирское, профанное, проникнув разумением в надмирье, видя каждое слово, как горящие пламенем буквы в сердце своем. Душа после сего очищается, рассудок преисполняется светлым и благостным, из-за чего трудно говорить и слезы выступают на глазах. Но сейчас – не вышло. И Тимур, произнося слова, которые потеряли вдруг всю свою святость, ощущает раскаяние, обиду и жалость к себе... впрочем, потом возникает иное – предвкушение того, что должно произойти вскоре, ведь это первое настоящее задание, первый боевой вылет... Ну ладно, не боевой, всего лишь «разгон вандалов», как выразился Шахтар. Вообще-то с демонстрантами легко справились бы милицейские Парижского района. Но всем известно, что мудрый Игнатий, архиерей Соборной Академии Воздушно-Космических Сил, – старый друг Патриарха, главы Российской губернии. Вестимо, столкнулись они, что, ежели случится что-нибудь *этакое*, какой-нибудь, будем говорить, *акт неповиновения*, – тотчас сообщат в Академию, дабы предоставить братьям-послушникам возможность потренироваться не только в виртуальном тренажере и на полосе препятствий, но и в естественной обстановке. На других кадетов посмотреть и офицеру себя показать...

– Почти на месте, – объявил Карен, когда молитва закончилась, и все опять уселись двумя рядами.

В трюме тепло, пол едва ощутимо вибрирует под толстыми мягкими подошвами. Тимур наклонился, оперев локти в колени, повел плечами. Он никак не мог привыкнуть к новому костюму, все время казалось, что жмет под мышками. Ну почему начальство так осторожничает? Уже давно могли послушников для подобных дел использовать. Ведь ничего сложного не предстоит: они будут играть роль скорее милицейских, нежели солдат, и уж тем паче не универ-солдат, то есть универсалов, обученных как пилотированию, так и десантным боевым действиям.

Едва слышный шум двигателя стал тоньше: челн сменил курс. Снижаемся, должно быть. Тим еще никогда не видел Парижский район, даже в другой край ни разу не забирался. Собственно, что он вообще видел, кроме Божьего града да необъятных плацев Академии?

– Шлемы надеть! – скомандовал Карен.

Позади каждого в стене была ниша, где эти шлемы стояли, и теперь все принялись их доставать. Когда основание шлема касалось жесткого ворота костюма, раздавалось тонкое шипение пневматических застежек. Тим взял свой в руки, погладил осторожно. Покатый,

напоминает зеленое яйцо. Забрало снаружи непрозрачное и цветом от остальной поверхности не отличается.

Он в который раз глянул на офицера. Все же хорош отец-командир у них, и тем более славно, что это не просто преподаватель Академии, а еще и старший в третьей дружине – капитан, тот, кому они отдают свой разум во время боевых вылетов, ядро коллективного сознания. Карен не ветеран, относительно молодой еще, но побывал в межсфери и даже видел Горний мир.

– Жилин! – негромко сказал Шахтар.

Оказывается, все уже облачились. К Тимуров повернулись двенадцать одинаковых зеленых яиц. Он смешался, поспешно надел шлем. Мгновение забрало оставалось темным, затем получило команду от процессора костюма и сделалось прозрачным, в нем проступила картина, которую Тимур только что видел: трюм, отряд, Карен Шахтар. Ватная тишина сменилась гулом двигателей, когда шлем открыл звуковой канал.

* * *

Прилетели. Сели посреди Парижского района. Открылся люк, опустилась широкая аппарель – свет и свежий воздух хлынули в трюм, изгнав царившую там маслянисто-железную затхлость. Отец Карен, так и не надевший шлем, отдал приказ – все посыпали наружу. Тут выяснилось, что командовать будет не Шахтар, а один из иеросолдат. Тимур, получивший седьмой номер, услышал в наушниках: «Первый, третий, седьмой, десятый – организовать временную дружину номер один. Ситуация-гамма!»

Это значит – он, Настька-десантница, Роман Паплюх (замкомандира постоянной дружины Тима) и незнакомый солдат будут работать вместе. А *гамма*, по инструкции, – «тревожная».

Они сгруппировались, встали возле длинного тела челна, припавшего к мостовой профилированным брюхом, откуда торчали лапы-шасси с когтистыми «пальцами» вместо колес. Голос новоявленного командира в наушниках сказал:

– Объект по другую сторону башни. Первая дружина – обходите слева, вторая – справа, третья – по центру. Нарушителей парализовать, задерживать. Не забывайте: мы в другом округе и на нас миряне смотрят. Приступить!

Солдаты побежали, расходясь веером. Тепло, ветви деревьев колышутся на легком ветру, и воздух чистый, прозрачный... На фоне синего неба высится дивная постройка, которую Тим до того лишь на открытках да по телеvidу наблюдал, – решетчатая башня на четырех «ногах», широкая у основания, дальше сужающаяся. Раньше она, Тимур слышал, другой вид имела, но после того как верхушку снесла гиперзвуковая ракета класса «земля—орбита», на месте разлома сделали огромную крезду: перекрестье из железных штанг, в центре его пятиконечная звезда, ниже – узкий полумесяц. Установили здесь символ по указанию святейшего, что повелевает всеми грешниками и безгрешными Европейского края. На тонком черном шнурке на шее Тимура висит такой же знак, святая крезда первоначальная, которую вручили ему и другим послушникам-новобранцам на торжественном богослужении, когда они поступили в САВКС.

Солнце в спину светит, над крышами домов голуби реют, как маленькие серые флажки. Кнут на указательном пальце правой руки, пеленалка пока на одном из фиксаторов костюма, в левой – стерженек щита. Вперед, плечом к плечу с Романом. Настька-десантница рядом, дальше незнакомый солдат, десятый номер. Не слишком быстро, но и не медля – бежим вокруг башни. Обегает оную. И видим, как позади, в тени гигантской крезды, францы громят блинную. Собственно, уже и догромили – теперь она всю пылает, бедняжка. Типовая постройка из алюминия и пластика, когда-то ярко-желтая, веселая такая, с крылечком в рус-

ском стиле и окошками со ставенками. Теперь черная, в потеках, за окнами красно-синий огонь шипит. И несет от нее так, что Тимур своему костюму не нарадуется: фильтры убирают из попадающего в легкие воздуха канцерогены и прочую гадость. Хотя костюмы эти далеко не самого высокого уровня защиты, так что запах горелой пластмассы внутрь все же проникает, пусть и приглушенно.

Вообще-то сие возмутительно. Тимур не находит слов. Зачем они раздолбали блинную? Что за глупость, что за дикость такая, варварство! Она – символ равенства, когда все могут отведать недорогой и здоровой пищи в любом месте сфиры. Ведь это же замечательно, более того, это *правильно*: где бы ты ни был, везде этот общепит с привычной – и, главное, доступной всем! – едой. Это, в конце концов, объединяет.

Францы, как выяснилось, были обычными людьми. Нет, Тимур знал, что все граждане Уклада суть братья и сестры, но глубоко в душе полагал, что жители иных краев и губерний должны чем-то от русов отличаться. Ну, может, вихрастые более или, наоборот, лысоваты, или разрез глаз иной... А они – такие же, и даже одеты привычно, незатейливо. Стояли толпой неподалеку от пузырящейся блинной, с подветренной стороны, и слушали оратора-бородача, взгромоздившегося на кучу ящиков. Челн, ясное дело, приземлился почти бесшумно, к тому же на другой стороне площади, так что никто из демонстрантов поначалу прибывших не заметил. А как заметили – поздно стало, потому что иеросолдаты были уже совсем близко.

Но тут выяснилось, что таки отличаются францы: главным образом тем, что много среди них чернокожих да смуглых. И вот эти-то черные да смуглые отреагировали активнее прочих – кто-то крикнул, они разом повернулись, после чего ясно стало, что появление солдат на площади не было для митингующих неожиданностью, они просто изображали неведение.

Потому что почти у каждого в руках была бутылка с тряпичным фитилем в горле или камень, или кусок керамической арматуры, или палка.

И первым делом бутылки, на ходу расцветая огнями, полетели в солдат.

А за ними и камни.

Арматура же с палками пригодилась чуть позже.

Мирян собралось с полсотни. Для почти полутора десятков тренированных братьев, в костюмах и при оружии, – маловато будет. Хотя когда в тебя швыряют «огнебутылкой»... Интересно, где ж это они бензин раздобыли? Да еще потом туда керосин надо, масло загущенное... Или у этих другой рецепт?

Дружинники рванулись в разные стороны, чтоб тяжелее попасть было. Тимур испугался, увидев, как прямо в лицо летит, кувыряясь, бутылка, из горлышка которой валит дым. Вскинул левую руку и вдавил конец стержня в ладонь, прижимая клавишу. Из другого конца – бдыщ! – выстрелили прозрачные лепестки, изгибаясь с тихим шуршанием, развернулись и слились в единую поверхность, где едва виднелись тончайшие радианные линии. Будто зонтик прозрачный с короткой ручкой. Тимур прикрылся, бутылка ударила в бронепластик и лопнула, затянув поверхность щита огненной пленкой.

Настька-десантница что-то выкрикнула; отделенные от Тимура кругом неяркого пламени, впереди замелькали лица демонстрантов.

Бронепластик не горит, огонь тут же пропал. Тим вломился в толпу, напирая щитом. Из наперстка на указательном пальце выплеснулась красно-оранжевая гибкая нить длиной ровно сто десять сантиметров. Тимур замахал рукой. Когда нить ударяла по телам, сыпались искры, демонстранты падали, дергаясь и клацающая зубами. Заряд электрокнута парализует на пару минут, так что можно сразу пеленалку не использовать. Он и не использовал, а пер напролом, распахивая францев, опрокидывая их, полосуюя электричеством. Раз! Так! Эх! Давай! Кто-то – арматуриной по щиту. Что ж ты делаешь, морда?! Ведь мы все – бра-

тя и сестры! Получи! Еще раз! Сердце скакало, колотилось в груди, тело от адреналина будто расперло во все стороны, того и гляди лопнет. Люди, дома – все вокруг как бы смазалось, крики и стоны слились, пространство полосами пошло, а солнце в голубом парижском небе почему-то прыгало вверх-вниз, громко гудя. И рев, рев кругом, стук, головы мелькают, лица, руки, всполохи огня – слепящая, громозвучная несусветность. Тимур потерялся в ней, нырнув с головой, как в озеро расплава, окруженный липким, звонким изломанным миром, истошным хаосом движения, асфальтом, электричеством и пылью.

А потом прямо перед собой он увидел здорового африкана, чернокожего дылду с палкой в руках. Не успел ударить кнутом – страхолюдный африканский брат перегнулся через щит и съездил палкой по шлему, да так сильно, что та сломалась.

...В отличие от шлема, который, ясное дело, удар выдержал, хотя в голове под ним загудело. Все-таки костюмы у них слабенькие, куда им до супермонстров, которые носят иеросолдаты из межсфирного пространства, те, что оберегают родную Землю от космических безбожников. Тим пришел в себя через мгновение, стоя на коленях. Он выпустил стержень, тот валялся на мостовой под ногами, лепестки свернулись. Африкан надвинулся, навис, замахаясь обломком палки, собираясь во второй раз засандалить по шлему...

Сбоку вынырнула Настька-десантница и точным движением вонзила электрокнут ему под мышку поднятой руки. И демонстрант, качнувшись, будто подорванная у основания башня, рухнул на Тимура, опрокинул того на спину. Бравый кадет-послушник, уже почти пришедший в себя, увидел черную физиономию перед лицом, уперся в широченные плечи и попробовал спихнуть с себя тело, но африкан тяжеленок оказался, не поднять. Тим лежал, беспомощно дергаясь, под францем, который тоже дергался – последствие электрошока, – лежал, пытаясь его как-то сдвинуть, видя краем глаза героические действия братьев по оружию, видя даже кучу ящиков и то, как Роман Паплюх, стянув с нее за пятку бородача-оратора, накрыл того белой сеткой липкого полимера из баллончика пеленалки.

* * *

Демонстранты – обычные обыватели-миряне, разговаривали они на местном диалекте гражданского широкого коруса. Но вот бородач-оратор, как оказалось, высоким языком владел. И был он, судя по всему, заправилой, организатором всего этого непотребства. Когда Карен его по чипу пробил, выяснилось, что это учитель из местного интерната, где обслуживающий персонал монорельсовых дорог пестовали.

Блинная догорела, запеленутых демонстрантов увозили местные милицейские силы, прибывшие сразу после того, как закончилась битва (Тимур, впрочем, подозревал, что они получили команду не вмешиваться раньше времени и дожидались за углом конца великого сражения воинств добра и зла.) А братья-послушники издевались над Тимом, так как Настька, кто б сомневался, тут же все разболтала.

– Тимчик! И как оно?

– Как тебе под африканом-то?

– Дергался на нем мирянин, видали, страстно как?

– Горяч чернокожий брат, а?

Сальности неслись из наушников красного от стыда Тимура, пока Карен не велел всем заткнуться. И тут же голос временного командира объявил: «Отбой ситуации-гамма. Ситуация-тета». Тогда все принялись снимать шлемы и пристегивать их к фиксаторам у левого бедра.

Тимур тоже свой стянул, вдохнул полной грудью, по сторонам огляделся, делая вид, что ничуть не смущен. Из окон домов вокруг площади выглядывали лица. Появились две амфибии пожарных, встали рядом с машиной милицейских, сноровисто принялись заливать

пенной остатками блинной. Роман Паплюх и Настька проволокли оратора. Руки-ноги у того были стянуты полимером, он вращал глазами и что-то рычал сквозь бороду. Роман – самый упитанный в их дружине, веснушчатый рыжеватый блондин невысокого роста – на ходу Тимуру ехидно подмигнул, и тут неслышно подошедший Шахтар сказал:

– Стоп. А ну-ка, допросите этого, потренируйтесь, вам допросы надобно уметь учинять. Паплюх, Жилин, Тюрина, я вам говорю. Жилин, палатку тащи.

– Есть! – гаркнул Тимур, обрадованный возможности хоть как-то загладить конфуз с африканом, и бросился к челну.

Походная палатка – то есть запаянный желтый пакет тридцать на сорок – лежала в нише позади сиденья отца-командира. Тимур быстро ее притащил, дернул шнур, и она развернулась, втянув воздух между двумя слоями прорезиненной ткани, надулась куполом. Тем временем на бородатого побрызгали растворителем – сжимавшие тело волокна с сухими хлопками полопались. На краю площади уже появились миряне Парижского района, так что Карен приказал всем присоединиться к живому ограждению, организованному местными милицейскими, пока пожарные не дотушат блинную и не расчистят место. Можно было, конечно, установить вокруг линию электрозащиты, но – чего возиться? Тем паче мирные францы и сами не очень-то сюда рвались, лишь издали с любопытством глазели, ни один человек так и не попытался подойти.

– Пять минут у вас, – негромко сказал отец-командир Роману. – Стандартный допрос.

Паплюх кивнул. Настька, несильно толкнув бородачу в грудь, заставила его усесться на надувной табурет посреди палатки, встала за левым плечом. Карен опустил полог, включил лампу на своем посохе. Тимур, не совсем понимая, что ему делать, остановился в трех шагах перед табуретом, сцепив пальцы в перчатках за спиной и вперив в задержанного грозный – во всяком случае, он на это надеялся – взгляд. Франц с вызовом и испугом смотрел на обступивших его вооруженных людей в боевых костюмах.

– Имя? Фамилия? – спросил Роман, хотя Карен уже сбросил ему полученные через позиционный чип задержанного данные, и Тимур видел, как Паплюх читает их с экранчика на тыльной стороне запястья.

Бородач молчал, и тогда Настька положила руку ему на плечо. Не ударила и сильно пальцы не сжимала, но как-то так это у нее основательно получилось, что он, вздрогнув, хрипло сказал:

– Анатолий Балаян.

– Место проживания? – продолжал Паплюх. – Где работаете? Возраст, семья?

Выяснилось, что проживает Анатолий Балаян по такому-то адресу в Парижском районе Французского округа Европейского края, преподает в интернате механику, а семьи у него, невзирая на сорокалетний возраст, нет и никогда не было. Тимур, поймав взгляд Романа, слегка насупил брови, показывая, что понимает: уже хотя бы это –стораживающий факт. Нет, ясное дело, никто не обязывает человека жениться или замуж выходить, но ежели мужчина до тридцати пяти семей с детишками не обзавелся, если женщина до двадцати пяти замуж не вышла и не родила, и ежели при том они не в монастыре, не военные или ученые, а обычную мирскую жизнь ведут – значит, что-то не так с ними, какая-то присутствует червоточинка.

Пока Тимур о том глубокомысленно размышлял, франц попытался встать, но Настька, надавив ладонью на плечо, легко его обратно усадила, и тогда он воскликнул, от волнения говоря с сильным акцентом:

– У вас же есть электроника! Вы опутали нас цепями слежки, так к чему это лицемерие, к чему вопросы задавать?!

Хорошо хоть сатрапами не обозвал. Как по писаному говорит, видно, что привык звучные речи толкать.

– К чему? – со значением повторил Роман, обошел Балаяна, наклонился, заглядывая ему в глаза, и вдруг заговорил так резко, таким требовательным голосом, что франц вжался в табурет, глубоко продавив мягкую поверхность.

– Да к тому, брат, что я понять хочу! Вот я гляжу: человек как человек. Так что ж тебя на все это подвигло? Ведь мог бы работать и жить, для пользы окружающих, в свое удовольствие и для славы Отца Небесного, что взирает на всех нас, а ты... Борода у тебя, взрослый мужчина – а ни жены, ни детей. Ну скажи мне, нам всем скажи: почему ты этим занялся? Не понимаю я...

– Уклад ваш – мировой жандарм! – выкрикнул в ответ бородач, вновь пытаясь подняться. – Что вот это у меня? А? Что?!

Он принялся с остервенением хлопать себя по плечу, и Тимур понял, что франц имеет в виду свой пози-чип.

– Почему он у меня там? Вы всех людей поместили, осквернили нас! Идентичности нас лишили, сделали роботами! Роботами-рабами! Где традиции наши? Культура где? Все, теперь все одинаковые, и блинные эти – куда ни приедь, везде они, плюнешь – в блинную попадешь!

Роман переглянулся с отцом-командиром и сказал, явно повторяя то, что где-то вычитал, хотя и стараясь, чтобы звучало не слишком книжно:

– А ты понимаешь, что с появлением абсолютных технологий вроде нанотехники или генинженерии всеобщая солидаризация стала необходимой? Неужто я должен объяснять это тебе, человеку, почти в два раза меня старше? Подобные технологии у национальных государств, постоянно готовящихся к вооруженным конфликтам, были бы смертельны, поэтому без объединения тут было не обойтись – от человечества просто ничего не осталось бы, если бы новые возможности появились у старых социальных образований. Культура, говоришь? Традиции? Ну да, ну да, это был главный довод антисолидаристов: что солидаризация убивает культурную самобытность и культурную идентичность. Однако не устраивать же нам из-за культуры гекатомбу человечества! Что на это скажешь, а?

Тут Тимур вновь нахмурился, заметив, что и Настька бровями шевельнула. Рома высококорусом очень упорно занимался, справедливо полагая, что именно церковный язык является тем путем, который ведет к карьерному росту, – и овладел им, наверное, лучше всех остальных послушников курса. Такие иногда словечки подпускает... вот что такое эта гекатомба?

Тим дал себе слово поглядеть в электронном словарики, как вернутся. А в разговор тем временем вступил франц: начал кричать что-то про неокommунизм, который борется против верославного засилья. Наконец Паплюх перебил его, задвинув такую хитроумную мысль, что Тимур, опять сбитый с толку, чуть губами не стал шевелить, повторяя про себя.

– Вы, неокommунисты, ненавидите солидаризацию, потому что не главенствуете в ней, но если бы дело обстояло иначе, если бы вместо блинных повсюду стояли бы эти ваши... эти ваши *бистро*– или, если бы, не дай Всевечный, солидаризацию возглавили бы американцы и были бы вокруг их маки-дональды, а в кинотеатрах показывали бы картины этого Голливуда, а не Роскино... То вот тогда бы вы не возмущались, потому что воспринимаете свою культуру – или культуру американцев – как более родную, привычную, лучшую, чем наша. Но! – Роман поднял указательный палец. – Вы все: францы, германцы, англцы – вы все теперь русские! Потому что наша культура оказалась сильнее. Наша правда сильнее. Наша вера сильнее!

– Да не сильнее! – взъярился Балаян, хватая себя за бороду и яростно ее теребя. – Никакое не сильнее, а просто ДНК-кодирование...

И тут он понес такую чушь про векторы, ревертазы и какие-то, прости Господи, триплеты, что Тимур совсем перестал слушать. Настька, по-прежнему караулящая за плечом

франца на случай, если у того взиграет ретивое, морщилась и вращала глазами. Паплюх с отцом-командиром еще некоторое время внимали, а после Роман прервал задержанного, громко задав вопрос:

– Твои сообщники?

– Что? – бородач осекся, помолчал с приоткрытым ртом и сказал: – Какие сообщники?

– Полагаю, немногочисленные и плохо законспирированные, – откликнулся Роман. – Сам ты не мог все это организовать. Имена, адреса – говори.

– Нет никаких сообщников, – сказал Балаян.

– Глупо это. Наверняка есть. Сам понимаешь, нам достаточно отвезти тебя в медцентр или в стационар местного Совета Пресвитеров, вколнот сыворотку... Ты все скажешь. Но можешь облегчить свою участь, если...

– Вы ничего не узнаете от меня, – отрезал франц, и Роман кивнул, будто ждал именно этого. Взглянул на часы, на Карена Шахтара и вынес вердикт:

– Фанатик.

– Сворачиваемся, – ответил командир.

Тимур шагнул наружу, нашел взглядом клапан со шнуром. Пена застыла, образовав на месте несчастной блинной черно-серую силикатную гору, пожарные дробили ее вибротопорами и относили в бак амфибии. Одна из машин милиции укатила, вторая стояла неподалеку, скучающие милицейские с иеросолдатами и послушниками поглядывали на Тимура. Оцепление сняли, миряне Парижского района шли по своим делам; высокая черноволосая девушка, улыбнувшись, помахала ему, Тим в ответ вежливо кивнул, тоже улыбнулся, хотя и через силу.

Из палатки вышел Карен, за ним Балаян – голова склонена к груди, руки за спиной, – следом Рома с Настькой. Когда все оказались снаружи, Тимур дернул шнур – клапан пшикнул, палатка начала сдуваться, быстро складываясь в компактный пухлый прямоугольник.

Роман спросил:

– Задержанного сдать милицейским?

– Нет, – ответил Карен, кивнул остальным братьям и зашагал к челну. – Забираем его в Божий град.

Несколько секунд после этого было тихо – все четверо переваривали услышанное, – а после Анатолий Балаян крикнул:

– Забираете?! Почему? Что вы хотите? Вы... – и вдруг повалился на бок, вскинув руки, так что Настька с Романом едва успели подхватить его под мышки. Роман оглянулся, и Тимур заметил, как побледнело веснушчатое лицо. И до послушников, и до Балаяна одновременно дошло, что это означает, ведь все знали, что в Божьем граде – единственный на весь Уклад центр ментального перепрограммирования, в народе называемого по-всякому: перементаливанием, переиначиванием, а то и вовсе оскоплением мозгов.

Задержанного унесли, Тим остался один. То есть, конечно, на площади теперь было много людей, но возле палатки – никого. Она уже почти сдулась. Тимур стоял, щурясь на ярком солнышке, представляя, как бы оно было, когда вокруг сплошные эти... ну, те, их еще показывали в хронике о временах до Кары и Вознесения Старца... маки, эти самые, дональды вместо блинных и фильмы их голли-попские, и этот жутковатый мыш с огромными ушами... Тимур перевел взгляд на большой плакат, что висел высоко над улицей между домами – два отрока, облаченные в космоформу, с круглыми шлемами на головах, плыли по орбите возле огромного металлического дома со множеством иллюминаторов, откуда выглядывали веселые лица тех братьев, коим удалось после Академии попасть в межсфирное пространство. Дальше, за космическим общежитием, летел большой военный челн со стволами электромагнитных орудий вдоль бортов, и под всем этим голубела сфера Земля, а еще ниже шел девиз САВКСа про веру, которая есть слово, а также дело и, конечно же,

разум. Орбита. Луна. Иные сферы, внешнее пространство... Тимур мечтал оказаться там. Он поднял взгляд выше, повернувшись к югу, и ему показалось, что в синем небе осеннего Парижа мелькнула едва заметная искорка, святой огонек: то Горний мир сверкал в лучах солнца, таинственный и манящий.

Часть первая НА ЛАДОНЯХ ГОСПОДА

I

Полгода прошло. Поздняя весна, тепло, почти жарко. Академия закончена, завтра должна состояться торжественная церемония – кадеты-послушники примут схиму и станут полноправными иноками вооруженных сил Уклада. Собственно, иеросолдатами они уже стали: сегодня утром по очереди посетили кабинет главы САВКСа, архиеерея Игнатия, сурового пожилого мужа, который, не тратя лишних слов, пожал каждому длань и вручил электронную карточку, заверенную, как говорят, самим Патриархом Российской губернии, что раскинулась от Атлантического океана до Охотского моря, от Бенгальского залива до моря Лаптевых. После кабинета все новобранцы посещали техпункт, где, обнажив правое предплечье, садились в особое кресло. Торчащая из спинки бесконтактная электромагнитная игла влила в пози-чип информацию о том, что носитель его является универ-солдатом ВКС. Ну а завтра на торжественной церемонии еще вручат диплом, а также вырезанную из березы коробочку с нагрудным значком: остроносая воздушная лодка, по ободку кругом идет девиз воздушно-космических сил. Это – инициация, ритуал необходимый и важный, без него не стать иеросолдатом святого воинства, пусть даже остальные формальности соблюдены.

Стены лекционного зала украшены старыми блеклыми фресками: атака атмосферных челнов на земли безбожников, строительство Отринутого Изножия, Вознесение Кадмона в Горний мир... А за фресками, невидимые из аудитории, устремились к небу высотные здания Академии. В стороне раскинулся плац, где сейчас, скорее всего, пусто, дальше – обширное поле, там рядом стоят ангары с атмосферными челнами. Между ними флагшток высокий, на котором флаг гордо развевается. Большое прямоугольное полотнище, верхняя половина черная, нижняя – желтая, а точнее, золотая. Космос и златоверхие церкви, символ Уклада...

Лекцию читал Карен Шахтар, и это была прощальная лекция. Собрались все дружины, весь последний курс, да еще и послушниц привезли из женской Семинарии. Тимур сидел между Романом Паплюхом и Серегой Чекаловым. Они знали: отец Карен подал прошение, чтобы его вернули в действующее воинство. До сих пор Шахтар брал на себя командование очередной дружиной только на время обучения, как и семеро других офицеров – каждый формировал свою группу, которую воспитывал, постепенно превращая в слаженный боевой коллектив. После окончания САВКСа дружины, если их участники показывали психологическую совместимость, не расформировывались, но офицеры, конечно, оставались на службе в Академии, командиром же становился кто-то из членов звена, лучше других подходящий для этого. В отряде Тима старшего пока не назначили, хотя всем понятно, что им станет Роман.

В общем, Карен счел, что принесет больше пользы, вернувшись в орбитальную армию. К тому же он наверняка тосковал по мощным челнам, орбите, настоящей службе.

Эта лекция – и не лекция вовсе, а скорее беседа. Лучи солнца лились сквозь витражи, настроение у всех было приподнятое, радостное и одновременно расслабленное. Даже на суровом, аскетичном лице отца-командира иногда возникало подобие улыбки. Тимур сидел, слушая вполуха, прикрыв глаза и вспоминая дом, Божий град. Он не видел своих – мать, сестру и деда – уже ох как давно. Теперь-то недолго осталось: сразу после торжественной церемонии-ритуала благословят в отпуск на две недели. А дом, оказывается, из памяти-то стерся... Подзабыл Тимур, как выглядят улицы и обычные жилые здания. Да и на граждан-

ском говорить отучился, то есть на языке простых мирян. Тим освоил высокорус только в последние полгода – и мир расширился, усложнился, стал глубже; это напоминало десантный тренажер, виртуальную реальность, которую, не отключая, каким-то образом перенесли с одного видеоадаптера на другой, более мощный. Вот ты стоишь посреди чего-то блеклого, но по мере постижения новых слов и взаимосвязей между ними все вокруг углубляется, в земле под ногами и небе над головой, везде проступают незаметные ранее детали – и осознаешь с удивлением, что они были там всегда, но раньше ты не мог их увидеть, постичь, потому что не владел необходимыми для этого понятиями.

– Верославная солидаризация включала в себя интеграцию мировых религий, – доносился рокочущий голос офицера. – Сверхкультура... Объединенный земной этнос... Единая производственно-сельскохозяйственная зона... Единый глобальный рынок... Глобальное управление... Интервидение и планетарный веб... Всемирное Сообщество – Всечеловечество...

Льющийся сквозь витражи свет создавал золотистый нимб вокруг широкоплечей, подтянутой фигуры Карена. Голос его, обычно резкий, сейчас жужжал монотонно, усыплял.

– Чем на первых порах верославная доктрина привлекла инородных мирян? Тем, что дает возможность «все понимать, ничего не зная», и понимание это куда более глубоко, трепетно, *проникновенно*, нежели обычное знание. Подспудная цель живого существа – сохранение своей информации. Цель сообщества живых существ – сохранение коллективной информации и по возможности распространение ее на среду обитания, что значит – и на другие обитающие в ней сообщества. Цель общества, народа – сохранение своей этноокрашенной информации. О чем я говорю сейчас?

Тим еще только силился уразуметь, что имеет в виду отец-командир (разумел он плохо, политрелигия была самым нелюбимым его курсом наравне с лекциями по теодицее связанных фотонов, калибровочном триединстве красных, зеленых и синих кварков, равно как и обязательным факультативом «Понятие греха в физике твердых тел»), а Роман уже откликнулся:

– О культуре.

Шахтар кивнул.

– Вестимо. Этноокрашенной информацией в данном случае будет все: свой язык, писанные и неписанные правила поведения, технологические стандарты, предпочтения в одежде, в общем, все то, что используется во взаимодействии людей. При этом народ стремится включить в сферу своей жизни и другую информацию, извне, но так, чтобы она не разрыхляла собственную культуру, а целиком ею адаптировалась, подчиняясь ее законам, обогащая – но не извращая. Итак, что является целью этноса?

И снова первым успел Роман, наверное, единственный из кадетов, не поддавшийся расслабляющей атмосфере.

– Сохранение своей культуры и по возможности распространение ее на всю систему.

– Так. Однако надо учитывать, что целеполагание в данном случае неявно, так как этнос – это не какой-то зверь или же человек, но сообщество индивидуумов со схожим мировосприятием. Никто не сговаривается: а давайте, мол, распространим свою культуру на всю систему. Нет, сие происходит как бы само собой, так как отвечает внутреннему душевному настрою людей занять как можно большую территорию. Хотя такие устремления присущи не всем этносам. Культура выражает *душу народа* – в большей степени его бессознательное, архетипичное, чем сознательное. И она бывает активной либо пассивной. С активностью – которую можно назвать агрессивностью – и пассивностью культур связан также баланс науки и этики. В активных культурах знание самоценно, истина отделяется от нравственности. Мораль и проникновение в тайны мира, получение новых научных знаний – не взаимосвязаны, что служит толчком к стремительному технологическому развитию. В пассивных

культурах этика от познания неотделимы, истина соотносится с нравственным совершенством. Первый тип свойственен скорее Западу, второй – Востоку. Есть ли промежуточный тип?

– Есть! – звонким голосом произнесла Настька-десантница из другого конца зала. – Это мы.

– Продолжай, дочь моя, – молвил Карен, и она вскочила.

– А чего тут продолжать? У нас – особый путь, потому что наш тип культуры, то есть этой... этноокрашенной информации, наш Уклад объединил два подхода, совместив технологическое развитие с этикой, но при этом не затормозил развитие, как в восточных самозерцательных культурах, а поставил нравственную истину в эту... во главу угла!

Тимур пока еще не знал, что означает «поставить во главу угла», и подозревал, что Настька тоже не знает. Вот Роман знал и понимал все это, а Настька – так, зубрила с хорошей памятью... Тим во все глаза пялился на нее, только что рот не разинул. Взгляд скользил вверх-вниз, пока Паплюх не ткнул локтем под ребро и не прошипел издевательски: «Муху проглотить, любовед».

Отец-командир, поглядев на часы, спросил:

– Есть ли вопросы?

Здоровяк Толя Маслов из дружины Тимура неуверенно поднял руку. Карен кивнул ему.

– А правда ли, отче, что вы зрели Горний мир вблизи? Даже бывали в нем?

Едва слышный гул голосов смолк: вопрос неожиданный и, пожалуй, не слишком учтивый, ведь все знают, как не любит отец-командир рассказывать про это. Причина нелюбви понятна плохо, хотя Тимур, кажется, догадывался, в чем дело, пусть и смутно. Иногда в виртуальном зале или во время учебных вылетов они испытывали особые шлемы, помогающие рассудкам слиться воедино. При этом дружинникам открывался лишь верхний слой других разумов, задействованный в тренировочном задании, но будто сквозь матовое стекло в нем иногда быстрыми тенями мелькали потаенные мысли и чувства. Сознание отца-командира – центральное в той симметричной, напоминающей снежинку фигуре, коей является коллективный интеллект. Оно куда плотнее, крепче, тренированной, в конце концов – взрослее. И все же некий отголосок не относящихся к делу мыслей Карена иногда проникал сквозь верхний слой; однажды Тим уловил обрывок одной из таких не предназначенных для окружающих случайных мыслей. И теперь он думал, что знает, в чем причина нежелания офицера рассказывать про Горний мир. Она вроде и проста, но одновременно и сложна для Тимура Жилина: Кааба Небесная свята и в сознании отца Карена сияет неземным, божественным светом. Поэтому, как считает офицер, всякие слова могут осквернить ее – затуманить сей свет, ибо любые слова, кроме, конечно, сокрытых на страницах священной Библы, книги имен Всевечного, суть порождения человеческого разума, а раз так, то и не следует описывать ими нечто, относящееся скорее к божественному, чем к земному. Делать это способны лишь те, в душе кого Всевечным высечена искра таланта. Ведь религиозные картины не рисует кто ни попадя, но лишь даровитейшие из художников, а коль скоро рисовать святое дозволено немногим, то и говорить о святом должно не всякому.

Помедлив, отец Карен молвил голосом куда более тихим, чем раньше:

– Зрел не раз и бывал единожды.

Произнесено было так, что любому олуху тут же становилось ясно: более вопросов на сию тему задавать не следует. Но Толик Маслов, как бы помягче выразиться... олух из олухов, это все в дружине знают. Малочувствителен он и медлителен. Юркий подвижный быстродум Серега Чекалов, на малых разведчелнах летающий с Толиком в паре, сколько ни бился над напарником – так и не смог тому разумение стимулировать.

В общем, Толик пробасил:

– И как он? Расскажите. Как выглядит?

Карен вновь замолчал надолго, а Роман Паплюх, быстренько скатав бумажный шарик, пульнул им в голову Толика, и когда тот обернулся, показал кулак, а после покрутил пальцем у виска, едва слышно прошептав: «Глуполюб!» Роман с недавних пор тайно от преподавателей тренировался в навыке выдумывания новых слов – ибо ведомо, что старшие чины Уклада, владыки сферы земной, не просто церковным высокорусом владеют, но способны улучшать его, расширять, создавая новые лексические единицы.

– Прекрасен, как бриллиант, – произнес офицер, и все поглядели в сторону кафедры. Тимур с удивлением понял: Карен Шахтар, этот невозмутимейший из мужей, смущен!

– Как бриллиант? – повторил Толик.

Отец-командир кивнул.

– Напоминает драгоценный камень, венчающий... венчающий центр звезды с пятью лучами.

– Если бриллиант – это Горний мир, то лучи звезды – Фабрики? – пробасил Толик. – Ветви Сидры? А вот... – он замолчал, когда отец-командир сделал короткий жест, означающий, что более на эти вопросы он отвечать не станет.

И тут Тимур решился. Часы над дверью показывали, что до конца лекции осталось всего ничего. А спросить более не у кого, да и случая такого не представится, скорее всего. Потому он поднял руку, и когда Карен взглянул на него, вскочив, выпалил:

– Отче, скажите! Какой смысл человеку вмешиваться в дела Всевечного, вообще что-либо делать, ежели Он всемогущ и все Им предопределено, заранее Ему ведомо?

По залу прокатились смешки. Роман вновь ткнул соседа локтем в бок и пробормотал: «Любомудр начинающий». Тим уже заранее покраснел, уже внизу живота что-то сжалось, и холодок стыда пополз по спине, но Шахтар не стал смеяться, а спокойно молвил:

– Человек может и должен вмешиваться в космический процесс истории, ибо каждому возбуждению снизу, от человека, – неизбежно следует возбуждение сверху, от Всевечного.

Тимур вздохнул. Нет, это непонятно. Что значит – возбуждение? Он собрался было уточнить, хотя Паплюх и косился на него с презрительной насмешкой, но пока решался, из заднего ряда задали другой вопрос:

– Старец двуедин, как Всевечный... ну, как Всевечный триедин?

Карен нахмурился. В другой раз он, видимо, уже наложил бы на вопрошающего епитимью, однако сейчас лишь сказал:

– Вообще-то вы должны были постичь это еще в конце предпоследнего курса. Всевечный, каковой есть абсолютная, бесконечная, неопределимая беспредельность, разделен на три ипостаси: Всевечного Отца – что соотносится с Миром Творения, – Всевечного Духа, каковой является Миром Сознания, и Всевечного Сына – представляющего собою Мир Делания. Сие ясно?

Все закивали. Что ж тут неясного?

– Хорошо. Ну а Старец Вознесенный, каковой есть не кто иной, как нынешнее воплощение Адама Первоначального, зачинателя рода людского, разделен на Высшего и Низшего, сиречь на идеальный архетип, что пребывает в надмирном бытии вместе со Всевечным, и на несовершенную живую матрицу, спроецированную в Каабу Небесную, где и обитает. И на этом пути *нижняя* ипостась Старца размножилась, разделилась на четыре эманации, что воплощены теперь в Патриархах, каковые повелевают четырьмя Великими Губерниями Земными: Атлантической, Тихоокеанской, Индоавстралийской и Российской. Выходит, Патриархи – от Старца, Старец – от Всевечного, а раз так, то и Патриархи, несколько более длинным путем, – от Всевечного.

– Но все высшие чиновники, все митрополиты, архиепископы и даже викарии с игуменами, руководящие различными службами и институтами Уклада, поставлены на свои посты лично Патриархами. То есть они тоже, опосредованно, – от Всевечного?

На это Шахтар ничего не ответил, позволив слушателям самим делать выводы.

– Прошу простить меня, отец командир, – произнес задававший вопросы кадет. – Нас сему обучал отец Вронский, а он... Ну...

– Спрашивайте далее, – кивнул Карен. Старец Вронский был вековечен – в том смысле, что ему около ста, – и даже недавняя операция на горле не помогла преподавателю говорить внятно. К тому же он, бывало, засыпал на лекциях.

– Значит, Патриархи – суть тварные... ну, дольные, земные воплощения Старца? – спросил послушник.

– Так. Суть четыре воплощения надмирного бытия в дольном бытии.

– Но тогда выходит... Выходит, Патриархи одинаковые? – удивился Толик Маслов, и все засмеялись, а Роман, скривив рожу, страшным голосом прошипел: «Анатолий, не позорь дружину, дольная тварь!»

Широкое, грубоватое лицо Толи покраснело. Он покрутил головой, дернул себя за воротник, но продолжал упорно:

– Отец Карен, но я же видел Патриархов по телевиду, всех четверых... У них и лики разные...

– Не следует понимать буквально, – ответил Карен серьезно. – «Воплощение» не есть «клонирование». Ниспустившись из Горнего мира, эманации Старца воплотились во вполне конкретных младенцах от разных матерей... и воплощение это было духовным, разумеешь? После дитятки росли, будучи подвластны влиянию разнообразных обстоятельств, формирующих их характеры. Хотя в одном ты прав: каждый из Патриархов, невзирая на окружение, явил собою крайнюю степень святости, коя вообще может быть явлена в обычном человеке.

– Разрешите, я поясню? – Настька-десантница уже давно тянула руку, и наконец Карен позволил ей высказаться.

– Ты слушай, слушай! – вскочив и тряхнув короткими косицами, она повернула к Маслову возбужденное лицо. – Эманация Кадмона Вознесенного может воплотиться в любом человеке, как она воплотилась в Патриархах, ежели этот «любой» добьется совершенства в своей дольной, тварной, мирской жизни. А духовное воплощение Старца, высшая его эманация, его духовное тело суть концентрированная святость – это... это другое, об этом не говорят! Ну что не ясно тебе?!

– Как же тогда эманация в Патриархах воплотилась, когда они совершенства в мирской жизни успели добиться, ежели дитятками еще были? – не выдержал Роман. – Экая ты глупоумная, сестра моя.

Настька немедля вышла из себя и покраснела, так что даже веснушки почти исчезли. Тимуру ее стало жалко: поднявшийся на ноги Паплюх глядел на инокиню с насмешливым прищуром, а это означало, что он собирался раздавить ее интеллектом в блинчик. Карен Шахтар негромко, но очень основательно откашлялся, дабы прекратить дискуссию. И тут в здании зазвучала сирена.

* * *

Третья дружина состояла из шестерых: Романа, Тимура, Акмаля, Кости, Сергея и Толика. Они собрались там, где коридор расходился двумя рукавами, налево – кельи послушников, направо – аудитории и лестница, ведущая к задним дверям, через которые можно попасть на плац. Шахтар, успевший пообщаться с кем-то из руководства, посуровел лицом пуще прежнего. Он сказал:

– Что-то происходит в Гуманитарном лагере номер пять на территории Атлантической губернии. Нам приказано вылететь туда совместно с дружиной инокинь. Над океаном к

нам присоединятся челны действующего военно-воздушного воинства, скорее всего, с Кабо-Верде взлетят... – он замолчал, окинув взглядом лица иеросолдат. Никто из них не знал пока, что такое Кабо-Верде: этих островов не было на обычных картах, ведь там располагалась крупная военная база. Офицер заключил: – Третья дружина, ставлю задачу: через пятнадцать минут собраться возле ангара три «бэ», облаченными для длительного перелета. Летим на блаженных. Дальнейшие распоряжения получите позже. И это не учебный вылет. Выполнять!

Все заспешили к своим кельям, но Тимур задержался, и отец Карен, давно изучивший отроков своей дружины, сказал:

– Спрашивай, Жилин.

– Я... – Тим огляделся: в коридоре теперь никого не было. – Я из-за Настьки... то есть Настасьи Тюриной, ну, это послушница, то есть семинаристка...

– Теперь уже инокиня. Спрашивай! – офицер явно спешил.

– Неудобные мысли посещают, отче! – выпалил Тимур. – Представляю ее себе без... без облачения... Вернее, она сама лезет в таком виде на глаза, ну... как видение, а...

– Всевечный сохрани! – оборвал его отец Карен. – Ты, Жилин, как дитяtko еще, а ведь уже не столь юн. Девушка ему привиделась... без облачения! Так ступай в душевую и облей чресла ледяной водицей. У нас боевой вылет, понимаешь? Он про необлаченных девиц спрашивает! Переодеваться, бегом!

В общем, отмахнулся от Тима. А ведь тому собственная проблема казалась очень даже серьезной... аж обидно стало. Чресла водой облить – надо же!

Но подбегая к своей келье, Тимур смутился, потому что понял, как выглядел со стороны. С этакой ерундистикой к отцу-командиру в подобных обстоятельствах лезть! Ну кто он в глазах Шахтара после такого? Перед самым вылетом, да не учебным, а натурально боевым...

В просторной келье обитали четверо парней из их дружины: он сам, Роман Паплюх, Акмаль и Костя. Акмаль Надиров, молчаливый чернявый парень, как раз завязывал ботинки, а Константин с Романом о чем-то спорили, при этом одеваясь. Костя Ратмиров – высокий, худой, с тонкими чертами лица, носил контактные линзы. Странно, что его с плохим зрением в САВКС приняли... хотя Паплюх как-то шепнул, что у Ратмирова отец – митрополит, первый помощник Патриарха Тихоокеанской губернии, вот тебе и все объяснение. Тимур, впрочем, не поверил тогда, даже возмутился, что это друг такое рассказывает: какая разница, кто отец у Константина, это ни на что повлиять не может. Роман же в ответ поглядел прищурившись и не стал больше ничего говорить. Константин Тимуру не то чтобы не нравился, но... В общем, он иногда заносчивым казался, надменным даже. Роман, правда, как-то объяснил, что это не надменность, а просто у Ратмирова воспитание такое.

– Опаздываете, иеросолдат! – рявкнул Ромка, сделав страшные глаза. – Ладно, Константин Вениаминович, мы с тобой потом договорим.

Ратмиров с Акмалем закончили переодеваться и быстрым шагом покинули келью, Роман же, встав возле Тимура, ехидно сказал:

– Ты больше отцу-командиру такие глупоумные вопросы не задавай, как на лекции, а если что подобное в голову взбредет – у меня тихо спрашивай, я просвещу.

– Тогда ответь: что случилось, куда летим? – обиженно буркнул Тимур, скидывая рюкзаки. – Ты ж всегда все знаешь, умник.

– Что умник, то правда, – согласился Паплюх. – А что «всегда – все», так нет. Слышал, что и ты: сядем в блаженный, взлетим, тогда все, что надо, поведают. Ладно, я побежал, а ты не копайся тут, а то мне за напарника стыдно.

II

На всех дружинниках были зеленые спецкостюмы, залинкованные с системами челна. Часть информации передавалась на внутреннюю поверхность забрал, другую высвечивал монитор на панели управления, расположенной перед каждым креслом. В центре кабины, имеющей форму раковины, на небольшом возвышении стояло кресло отца-командира, позади него сидел Акмаль, по бокам, друг за другом, Тимур с Сергеем Чекаловым и Толик Маслов с Костей, ну а спереди, в узкой, целиком прозрачной части – Паплюх. Его голос зазвучал в наушниках шлемофона:

– Дружина, внимание! Поступили новые сведения, командир поручил ввести вас в курс дела.

Тимур покосился сквозь забрало на отца Карена. Тот, скорее всего, некоторое время назад вышел на связь с кем-то из командования, после на волне, недоступной дружинникам, посоветовался с капитанами остальных челнов, а затем переговорил с Паплюхом, которому приказал озвучить вводную.

– Так, теперь слушаем внимательно, – продолжал Роман. – На карте глобального позиционирования в Атлантической губернии в районе Гуманитарного лагеря номер пять одновременно погасло большое количество пози-чипов. Судя по всему, местные изыскали способ как-то дезактивировать их. Сейчас другое важно: перед тем все чипы пришли в движение. После их отключения была проведена экстраполяция, вероятные треки вычислены. Такое впечатление, что американцы чуть ли не со всего лагеря идут к двум точкам. Самая большая группа с разных сторон приближается к Береговому хребту на западном побережье континента. Второй пучок стягивается к так называемым Голливудским холмам в районе, где до Кары находился крупный прибрежный город американов. Между хребтом и Голливудом расстояние невелико.

Роман замолчал, словно прислушиваясь к чему-то. Воспользовавшись этим, Ратмиров задал вопрос:

– А скорость вычислили? Через сколько они сойдутся... там, куда сходятся?

Раздался голос отца Карена:

– Командование сообщило, что граждане, направляющиеся к горам, будут в гипотетическом месте встречи через пару часов. Большинство тех, кто шел к Голливуду, должны быть уже там. Паплюх, ставь задачу.

Тимур понял: командир, который и сам бы мог поведать необходимое, тренирует Романа, чтобы учился формулировать четкие приказы на высокорусе. И у того не очень пока получалось, честно сказать. Как-то... обыденно слишком, что ли.

Они двигались строем: два блаженных (во втором был экипаж из женской Семинарии) и тройка небольших кадиев, где находились солдаты действующего верославного воинства. Когда пролетели над невысокими горами, которые отец-командир назвал Колорадским плато, в мониторах возникли обширные низины, а дальше – океан. Влево уходил длинный широкий полуостров, по правую руку вплоть до самого берега высились горы; Гуманитарный лагерь номер пять распростерся впереди. На мониторе перед Тимом зеленые точки начали разлетаться, и тут же краем глаза он уловил движение в прозрачном боковом щите кабины. Повернул голову: все три кадия сменили курс, плавно уходя на северо-запад.

Роман вновь заговорил, более четко и сухо, чем раньше:

– Мы и блаженная инокиня должны прочесать Голливудские холмы в районе предположительного сбора граждан. Жилин, Ратмиров, приготовьтесь к десантированию. Надилов – внешняя связь, пулемет левого борта. Чекалов – носовая ракетница, ведешь десантников. Маслов – хвостовая ракетница, правый пулемет. Я... то есть Паплюх – пилотирование

и общий контроль ситуации. Связь поддерживаем через внутреннюю локалку костюмов. Вопросы?

– Что делать, если внизу наткнемся на американов? – спросил Константин прежде, чем Тимур успел открыть рот.

Тут опять заговорил отец-командир:

– Приказано задерживать, поднимать на борт для последующего допроса. Акмаль, проверь задний отсек трюма на предмет размещения пленных. Жилин, Ратмиров, готовность к спуску – пять минут. Вооружение стандартное, без усиления.

Кадии уже исчезли из виду, остался только второй блаженный, летящий метрах в сорока справа по борту. Скорость постепенно уменьшалась, высота тоже. Минуту назад внизу промелькнули домики поселка, а теперь тянулась каменистая пустошь, за которой начинались городские развалины. Они приближались – серые выпотрошенные остовы, прямоугольники окон, иногда черные, а иногда светлые, если задней стены нет...

Звуки, проникающие сквозь обшивку, изменились, рокот стал тише, в него вплелся глухой шум: Паплюх убавил давление в задних турбинах и включил оба горизонтальных винта. Скорость упала. Роман вел машину умело, со знанием дела, включая и выключая маневровые двигатели. В обычных условиях пилотированием такого челна занимались одновременно двое, а то и трое универ-солдат – блаженный громоздок, да и конструкция устарела – но замкомандира, всех расставив по местам, управлялся один. Показывал, должно быть, отцу Карену свою выучку да способности. Тим подумал про это и тут же устыдился нехорошей мысли: грешно напраслину на человека возводить, негоже так пред лицом Всевечного... А даже если и правда, что плохого: Рома усердный, истый – это положительные качества для иеросолдата, нужные.

На другой стороне кабины, за возвышением с креслом Карена, произошло движение, и тут же в шлеме тонко пискнул сигнал, означавший, что меняется пространственная конфигурация локальной сетки. Ага, это Костя отстегнул ремни, снял непосредственный коннект – то есть отключил провод, соединяющий шлем с консолью, – и встал из кресла. Тимур спохватился: пора! Внизу уже проплывали заваленные мусором и обломками улицы, дырявые крыши, стены с темными оконными проемами. Отсутствующие окна напоминали прорехи на месте выбитых зубов, ведущие в гнилую пасть. Развалины заросли кустарником, ползучими стеблями. И ладно если бы растения нормальными были – так нет, все какие-то корявые, изломанные, листва не зеленая, а больше рыжая, бурая или даже серая. Когда блаженный проносился над мертвыми улицами, кустарник внизу сотрясался, ходил ходуном под ветром, и от этого застывшая округа казалась еще пустынной. Воистину земли, отринутые Всевечным, земли после Кары.

Дальше высились холмы, и на склоне одного Тимур увидел остатки торчащих из зарослей железных штанг, которые раньше поддерживали что-то большое. Буквы там были, что ли, надпись какая? Вон часть белой плоскости виднеется, не до конца еще разрушившейся...

Он отстегнул ремни; коснувшись нужных клавиш, вытащил штекер из гнезда шлема. Забрало едва заметно мигнуло, а затем в нижней части пробежали быстрые строчки: костюм переключился на другую систему связи.

– Подтверждено, – произнес в наушниках голос Паплюха, ведавшего локальной сетью дружинников. – Соединение восстановилось. Жилин, на выход.

Костя уже добрался до люка в задней части кабины. Тимур, пригибаясь – здесь нельзя было выпрямиться во весь рост, мешал покатым матовый потолок, – поспешил за ним. Обогнул возвышение, где восседал Карен, миновал Толика и Серегу, который ему кивнул – мол, не беспокойся, проведу вас по враждебному краю безбожников как надо, – затем пустое кресло Акмаля. Тот как раз выбрался из люка навстречу Ратмирову, возвращаясь на место.

Они с Костей встали возле оружейного шкафа, дверца которого по команде Шахтара отъехала в сторону. «Стандартное, без усиления» – это значит, не придется брать с собой тяжелые импульсные лазеры и силовики тоже, только обычные пулевые автоматы с парой подствольников и виброштыком. Иеросолдаты достали оружие, повесили на фиксаторы костюмов. Автоматы крепились у правого бока, так, чтобы можно было стрелять, не отстегивая, сжимая одной рукой.

Спустились в трюм. Акмаль включил снабженную псевдоинтеллектом систему, которая станет укладывать пленных в коконы. Задний отсек был скрыт мощной бронированной перегородкой на случай, если кто-то сумеет высвободиться. Это, конечно, невероятно, но в отсеке все равно стояли камеры, транслирующие картинку на мониторы Паплюха и отца-командира, а также клапаны, которые в пару секунд заполняют помещение усыпляющим газом. Если даже газ не поможет – эту часть трюма можно отстрелить и дистанционно взорвать.

– Высота тридцать метров, – произнес голос Романа в наушниках. – Внизу движения не фиксируется. Готовность двадцать секунд.

Костя оглянулся на Тимура и присел над расположенным ближе к носовой части люком. Из широкой щели в стенке торчал край лебедки с тросиком, на конце – «ушко», которое Ратмиров пристегнул к костюму сзади, между лопатками. Всего таких лебедок здесь было девять, а люков – три.

Паплюх объявил:

– Ратмиров – номер один, Жилин – второй. Забиваю нумерацию в программу карты. Спускаетесь по очереди, интервал пять секунд.

Ага, это на случай, если приборы и оставшиеся в кабине иеросолдаты все же прохлопали врага, который сразу откроет огонь по первому десантнику, вынырнувшему из брюха челна...

– Высота двадцать метров. Скорость минимальная. Мы над площадью сейчас, внизу битый кирпич... так, вон свободное место. Готовность десять секунд.

Тимур присел на корточки у соседнего люка – низко пригнувшись, ноги широко расставлены, одна рука в пол упирается, другая сжимает автомат на правом боку.

Роман сказал:

– Готово, внизу чисто. Движения не наблюдается. Объявляю *гамму*. Три секунды... две... одна... Ратмиров, пошел!

Люки мгновенно отъехали в сторону, и Костя нырнул вперед, тут же пропав из виду. Стало светлее; снаружи было не слишком солнечно, но и не пасмурно.

На тренировках Тим это много раз проделывал, но все равно сердце стучало и во рту пересохло. И еще иногда волной накатывало ощущение, что он спит. Он не верил глазам, не верил всем своим чувствам. Неужели этот час и вправду настал, ведь сколько мечтал, засыпая на узкой койке смертельно уставший после тренировок и занятий, или во время скучных маршировок на плацу, сколько представлял, как закончит наконец САВКС и, получив распределение, отправится вместе с дружиной в первый не тренировочный полет, и как в одном из Гуманитарных лагерей или еще где произойдет нечто, что потребует десантирования, – ведь рано или поздно что-то такое обязательно должно произойти, – и Тимур застынет в трюме над распахнувшимся люком, ожидая приказа... Так вот же, он уже здесь, это происходит *прямо сейчас!*

– Жилин, пошел!

Резко сведя колени, он нырнул головой в люк. Грязно-серая площадь качнулась перед глазами. Мгновение полета, и Тим повис, быстро скользя вниз. Костя – вон, стоит с автоматом в руках, водит стволом из стороны в сторону. И челн над головой, большой, темный, поблескивает плоским брюхом.

Со всех сторон были завалы битого кирпича и другой мусор, но Тимур опустился на более-менее ровную площадку. Крупнозернистый древний асфальт, рядом киоск покосившийся, ржавый остов древней грузовой машины... Где-то птицы свиристыят... А так – спокойно, тихо. Разрушенное здание, ржавые арматурины выворочены, бетон в черных трещинах, крошится. Под стеной аппарат для выдачи манной каши стоит: щиток разбит, металлический бок погнут, что-то на нем нацарапано... Большой частью литеры незнакомые, но то, что Тимур сумел прочесть, – ох! Ужасные богохульства, проклятия, ругань. Неверные! Безбожные люди! Ну как так можно... Он едва коснулся асфальта подошвами, когда Константин дернулся, приседая, и тут же голос Сереги Маслова в наушниках гаркнул:

– Движение на два часа!

* * *

Если бы Тимур в воздухе в этот момент находился, он бы сверху увидел и выстрелил... или не выстрелил? Из автомата – это ведь значит убил бы, скорее всего, гражданского...

А так они с Костей в разные стороны прыгнули. Тим успел заметить, как что-то шевельнулось между двумя грудками мусора, – отстегнув от фиксатора предохранительную скобу автомата, он свалился на асфальт и вскинул оружие, но тут опустившийся на одно колено Ратмиров саданул из подствольника.

Их автоматы назывались «ацилут 18В», и стреляли они пулями девятимиллиметрового калибра. Один подствольник предназначался для гранат, второй для липучки. Им Костя и воспользовался; с коротким шелестом светло-серый комок пронесся по воздуху, едва успев развернуться, влип в появившегося неподалеку человека.

Вскрикнув, тот опрокинулся назад, исчез из виду.

– Объявляю *бету*! Второй, обходи слева! – раздался в наушниках хриплый от волнения голос Ратмирова. Непривычно было слышать его таким: обычно Костя спокоен, слегка даже холоден.

Низко пригнувшись и выставив автомат, напарник по прямой направился к месту, где мелькнул противник, а Тим поспешил в обход, оглябая завал битого кирпича.

Он успел сделать несколько шагов, когда рядом зашуршало, закачались жесткие стебли, которыми поросла груда обломков, осыпался щебень. Тим вскинул «ацилут»... Крыса! Просеменила, наглая, спокойная, голый хвост волочится... Вот дадалова тварь! Опустив ствол, он сделал еще шаг, и тут под ногами земля сдвинулась. Тимур отпрянул, чуть не свалившись в канализационный люк. Из отверстия по пояс высунулась крупная чернокожая женщина в просторной хламиде – взмахнула ножом, попыталась всадить его в живот универ-солдата, но, ясное дело, не смогла пробить броню. Тимур выстрелил из подствольника-пеленалки, лишь в последний миг сообразив, что делать это так близко нельзя: даже то расстояние, с которого его использовал Костя, было слишком мало, кокон липучки едва развернулся – а сейчас он вообще мог убить. Тим успел чуть поднять автомат, и туго свернутый белесый комок с шелестом пронесся мимо головы женщины, зацепив коротко стриженные волосы. Что-то выкрикнув, она приподнялась выше и опять взмахнула ножом.

Он сам не понял, как сделал это, движение опередило мысль: оружие провернулось в руках, и приклад обрушился на лицо гражданки промеж удивленно раскрытых глаз.

Ему показалось, будто ударили его самого: глухой стук, хруст, короткий вскрик, кровь брызжет из разбитых губ и сломанного носа... Тим пошатнулся, почти физически ощутив чужую боль.

Женщина упала назад и замерла, разбросав руки. Ноги свисали в люк.

– Второй, что там? Жилин! Тимур! – только сейчас дошло, что в шлемофоне бьется голос Романа.

– Порядок... – пробормотал Тим, облизывая пересохшие губы. – Противник... обезврежен.

– Ты его убил? Или это баба?

– Баба... то есть гражданка. Нет, не убил, потеряла сознание от боли. Она из люка... тут канализация и...

– Вижу, теперь вижу. Так, вытащи ее, переверни на живот.

Его тошнило, а еще хотелось помолиться – прямо сейчас, здесь, упасть на колени, зажмуриться и вознестись душою ввысь, подальше от заваленной обломками площади, люка и неподвижной женщины с залитым кровью изуродованным лицом, обратиться к Господу, чтобы простил, – но голос Паплюха настойчиво звучал в ушах, и, подчиняясь ему, Тим отодвинул тяжелое тело от люка, перекатил спиной вверх, повернув голову, чтобы сломанный нос не упирался в землю.

– Она так кровью истечет.

– Не истечет. Используй ручную пеленалку, затем продолжай движение.

Правильно, баллончик ведь куда слабее... Тим снял его с одного из поясных фиксаторов и направил на тело, прижав пальцем клавишу в торце. Когда липучий полимер стянул конечности, Тимур зашагал дальше. Ясность мысли возвращалась, тошнить перестало, хотя было все еще очень неприятно, муторно на душе. Но картина разбитого окровавленного лица перед глазами тускнела, и место прочих эмоций занимал стыд. Не за то, что сделал, а за то, что в первые мгновения устыдился сделанного. Ведь ему приказали, а безбожница пыталась убить Тима; нейтрализовать врага было его долгом, сам Патриарх благословил иеросолдат на все, что им придется совершать, выполняя повеления командования, – и через Патриарха их благословил Старец Кадмон, а значит, и Всевечный.

– Молодец, Жилин, – вдруг произнес в наушниках спокойный голос отца-командира. Карен будто слышал его мысли. – Действуешь правильно, но не медли. Тебя бы уже десять раз убили, если бы было кому.

Спасибо, отец. Ты строг, но справедлив и мудр, ты знаешь, когда пристыдить, когда отчитать сурово, а когда и поддержать, на путь истинный направляя. Я буду драться с ними, если понадобится, и буду убивать их – не без жалости, нет, она останется, ибо что отличает нас от зверей, как не жалость и милосердие? – но все же недрогнувшей рукой.

Добравшись до большой помятой канистры, Тимур присел и выглянул из-за нее.

– Противник нейтрализован, – сказал Костя. Он наклонился над слабо дергающимся телом, окутанным волокнами липучки. Тимур видел Ратмирова под мусорным холмом, на вершине которого лежала канистра, – и одновременно видел зеленый значок с цифрой 1 посреди электронной карты, что мерцала в нижней части забрала. Карту эту, созданную видеокамерами и сенсорами блаженного, транслировала автоматика челна, ну а значок накладывался на нее благодаря тому, что костюмы обоих находящихся «в поле» иеросолдат создали небольшую локальную сеть. Там был и Тимур – в виде зеленого кружка с цифрой 2 и короткой стрелочкой, направленной в ту сторону, куда повернуто забрало.

Костя спросил:

– Ведущий, что вокруг?

– Тихо, – тут же откликнулся Серега. – Я никого не вижу, и приборы молчат.

– Они и перед этим молчали...

– Железо фонит сильно, а эти оба к тому же из-под земли вылезли, – вмешался в разговор Паплюх. – Поглядите, там рядом еще канализационный люк наверняка есть. Второй, можешь подойти к первому, движения вокруг не наблюдается.

Тимур поднялся и пошел вниз. Непривычная все же картина: громоздкий челн не стоял на земле с выдвинутыми посадочными лапами и не летел с околосвуковой скоростью по небу, но без видимой опоры неподвижно висел метрах в пятнадцати над вершиной самого

высокого мусорного завала. Хотя Тим и понимал, что опорой в данном случае служат два могучих винта, серые плоские зонтики, гудящие над длинным корпусом, – один, *больших* размеров, возле лобового колпака, и второй, поменьше, в узкой хвостовой части. На винтах стояли шумоподавители, но рокот мощных лопастей все равно казался тяжелым, гнетущим, он будто прижимал к земле.

Тимур присел на корточки рядом с Костей, а тот, наоборот, выпрямился.

– Принимайте пленного.

Вплетаясь в гул винтов, зашипели газовые струи маневровых двигателей. Качнувшись, челн переместился и завис точно над местом, где находились солдаты. Но Тим вверх не смотрел, его внимание было приковано к американу... ведь это американ? Жители пятого Гуманитарного лагеря, должно быть, все американцы. Невзрачный мужичонка лет сорока, лысоватый, в грубой одежде. Обитатели таких лагерей – не *миряне* в привычном смысле слова, но *граждане*, так их принято называть. А сами лагеря – их немного на сфере осталось – не совсем Уклад. Есть те, кто душой принял идею всечеловечества, кто солидаризовался по воле сердца и разума, и таких большинство. Но незначительная часть – некоторые азиаты, африканы с самого юга своего континента, еще кое-кто – до сих пор сопротивляется. Ну, не сопротивляются, но... В общем, Тим слышал, они иногда даже пытаются скрыть от местного Совета Пресвитеров детей, чтобы тем не ставили пози-чипы. Здесь, в Атлантической губернии, два Гуманитарных лагеря. Еще один – на Мадагаскаре, где вроде бы обитают почти все несолидаризовавшиеся африканы, четвертый занимает часть большущего острова под названием Австралия, один – на другом острове, поменьше, который называется Кюсю, и два последних где-то на границе Тихоокеанской губернии, откуда Акмаль.

Американ слабо подергивался и сипел, так как одно из волокон липучки наискось стянуло его рот. Он морщился и часто моргал, переводя взгляд с одного солдата на другого.

– Поднимаем, – сказал Паплюх. – Ратмиров, там сумка вроде его лежит? Проверь.

Тут только Тимур заметил, что рядом с задержанным на щебне валяется длинная сумка из брезента. Костя наклонился над ней, а из люка, распахнувшегося в брюхе челна, уже спускался белый тросик со скомканной влажной паутиной на конце.

– Жилин, пристегни его, потом женщину.

Трос опустился, Тимур взялся чуть выше липучки. Присел. Американ задергался сильнее, что-то мыча. Тим прижал липучку к волокнам пеленалки между его лопаток. Запузырилось, зашипело... вещества вступили в реакцию и слиплись. Где-то на минуту, а потом полимер распадется.

– Готово, давайте.

Тросик натянулся и приподнял тело; сначала торс, потом бедра, ступни оторвались от асфальта. Американ закачался, а вверху мини-лебедка продолжала вращаться, чтобы доставить гражданского в объятия автоматики, которая уложит его в кокон.

В обход мусорного холма Тимур поспешил к чернокожей. На лицо ее старался не глядеть, встал с другой стороны и принялся обрабатывать пеленалкой понадежней. Тетка мясистая, крупная, не ровен час сорвется. Чем они здесь питаются? Крысами, что ли? Да нет, крыса наглая была, непуганая. Автомат с манной сломали, безбожники. Ишь как пахнет неприятно... и это сквозь шлем. Одежда грязная, мешковатая, левый рукав почти оторван в плече, лохматые нити висят.

Костя, осмотрев содержимое сумки, доложил:

– Обычные вещи. Штаны, свитер, белье... Пищевой набор, бутылка с... ага, с водой.

Два самодельных ножа, веревка.

– Никаких электронных устройств? – прорезался в шлеме голос отца-командира.

– Нет, отче, – сказал Константин.

– Что ж... странно.

– Почему? – не удержался Тимур. Отправив наверх женщину, он побежал обратно к Ратмирову, не забывая сканировать взглядом окружающее.

– Позичип этого гражданина не давал сигнала. Мы предполагали, что деактивация проводилась посредством самодельного электронного прибора, вы могли обнаружить его в вещах задержанного.

– А что, если они просто магнит очень сильный к плечу прикладывают?

– Чип экранирован от обычного магнитного поля.

Теперь оба иеросолдата стояли, выпрямившись во весь рост, с «ацилутами» на изготовку. Пленные исчезли в разъявленных люках, и колпаки мгновенно сдвинулись, закрыв отверстия.

За крышами возник второй блаженный, тот, на котором летели инокини, – довольно далеко, метрах в двухстах. Должно быть, пара девушек так же, как Тим с Костей, находятся сейчас «в поле»... Хотя нет, почему-то челн, слегка наклонившись носом вниз, быстро двигался прочь – вскоре он исчез за домами.

– Смена задания! – объявил вдруг Карен Шахтар. – Жилин, Ратмиров, закрепитесь, мы поднимем вас и понесем.

Два троса выпали из распахнувшихся люков, и как только солдаты пристегнулись, блаженный устремился в том же направлении, куда полетели семинаристки. У Тимура дух перехватило, когда земля, потрескавшийся асфальт, завалы раздробленной кладки и щебень понеслись под ним. Он слегка согнул ноги, одной рукой сжимая пристегнутый к фиксатору автомат, вторую задрал над головой, держась. Понимал: Роман с Акмалем ведут машину так, чтобы десантники не зацепились ни за что, не вмазались в стену, – но все равно было страшновато. Будто аттракцион, когда сидишь в небольшой железной люльке на одной из длинных цепей, свисающих с горизонтального колеса, а оно крутится все быстрее... в Божьем граде такие карусели есть, мать Тима с Катькой в детстве водила.

– Орбитальная разведка сообщила, что ближайшая к нам точка, в которой сошлись треки отключенных позичипов, локализована с девяностопроцентной точностью, – заговорил Паплюх. – Некоторое время там никого не было видно, вероятно, нарушители укрылись под землей, но только что спутник уловил движение. Дальнейший поиск и захват пленных с целью допроса пока что отменяется. Необходимо осмотреть место, где прячутся граждане. Возможно вооруженное сопротивление... – он на несколько секунд замолчал. – К вам спустится Надилов. Действовать будете совместно с тремя универ-солдатами из женской Семинарии. Старший в группе... – вновь тишина. Тимур смекнул: отец-командир, должно быть, спорит сейчас с женщиной, командующей вторым челном, каждый хочет, чтобы его солдат руководил наземной бригадой. – Командир – Анастасия Тюрина.

* * *

– Спешите, нет времени по сторонам пялиться, – сказал Паплюх.

Они быстро продвигались через одну из жилых зон Гуманитарного лагеря номер пять, разглядывая пластиковые домики и самодельные хижинки из фанеры и досок вдоль земляных улочек. Покосившаяся детская каруселька во дворе, столб с оборванными проводами, дырявое ведро на штакетнике... Ржавое железо, торчащее из мягкой влажной земли, чахлая трава, куча мусора на окраинной улочке посреди болотца топкой грязи. Показались две собаки, увидели солдат и беззвучно канули в зарослях, только рыжие листья закачались. Жителей не видно, дома брошены, поселок пуст: ушли американцы, пропали, а куда – бог весть.

Десантники, иногда перекликаясь через радиофоны, шли вперед, на всякий случай заглядывая в слепые окна домов. Тим был подавлен: неудобно это Всевечному, негоже так,

что за глухое, угрюмое место, и земля – будто изнеможенная от бремени людских дел, несправедливой, нехорошей жизни.

В наушниках раздался голос отца Карена:

– Имейте в виду, все эти люди могли бы переехать в центральные районы Уклада. Никто не препятствовал, они имели право поселиться в другом округе, даже крае, могли бы, наконец, переехать в Российскую губернию. Стоило лишь проявить некоторую настойчивость, добраться до управляющего этим лагерем Совета Пресвитеров, подать прошение. Они сами обрекли себя и своих детей на жизнь в таких условиях.

Вскоре жилая зона закончилась, солдаты оказались у высокой бетонной ограды с железными воротами, над которыми висел отлитый из металла герб – голова льва в широком круге, а по бокам какие-то ленты. Одна створка опрокинулась внутрь, вторая покосилась. Стена вся сплошь измалевана – мерзкие хари с пустыми белыми глазами, красные зигзаги, буквы пузатые, уродливые...

Теперь их было шестеро: Костя, Тим, Акмаль Надиров, Настька, Хайфа-Мария и Тереза Альбади. Последних двоих Тимур видел лишь на прощальной лекции отца Карена, когда инокинь привезли в САВКС. В отличие от рыжей веснушчатой Настасьи, обе черноволосые, Мария – насколько Тим успел разглядеть в аудитории – худая и смуглая, а Тереза полная, с округлым сонным лицом. Временный командир бригады стала первым номером, Костя, Тим и Акмаль соответственно вторым, третьим и четвертым, инокини же пятым и шестым.

Челны висели позади, метрах в тридцати над землей. Выполняя приказ, Тимур с Ратмировым миновали ворота и заняли позиции в кустах возле широкой асфальтовой дороги, уходящей в глубь территории. Настька, потом Акмаль, Хайфа-Мария и Тереза, вбежав за ними, рассредоточились.

– И здесь картинки, – сказала Мария. – Какие-то они у них... непонятные. Там что написано? По-американному что-то... «фуск йоу» какой-то.

С другой стороны стена тоже была разрисована.

– Это бывшая киностудия, – объявил Паплюх. – Слева от вас административные здания, впереди павильоны. Первый, ваша цель: павильон номер семь. Видите, там дорога сворачивает? Нужное здание за поворотом, пятое справа... – он вдруг замолчал.

– Продвигаемся вперед малым темпом, – скомандовала Настька. – Второй, третий – впереди по бокам, остальные...

– Срочно к седьмому павильону! – чуть ли не заорал Паплюх. – Мы засекли движение... Скопление людей... Ситуация-*альфа*! Быстро туда! – голос вновь смолк.

Настька отдала приказ, десантники побежали, и одновременно один из челнов полетел в их сторону.

Покинув дорогу, иеросолдаты вломились в кусты, чтобы срезать угол. Из-под ботинок Тима с писком метнулась крыса. Перед глазами медленно смещался план местности, высветившийся на внутренней поверхности шлема. Прямоугольник седьмого павильона был ярче других и пульсировал.

Миновав трехэтажный дом с проломленной крышей, они вновь выскочили на асфальт. Нужное здание было совсем близко, возле распахнутых ворот мелькали фигуры... На ходу Тим глянул назад: челн приближался.

– Внимание! – вновь раздался голос Паплюха в шлеме, и тут же он воскликнул: – Осторожно!

– Ложись! – заорала Настька одновременно.

От павильона в сторону иеросолдат устремилась дымная полоса. Хотя метили не по ним: ракета двигалась наискось, удаляясь от земли. Упавший на асфальт Тимур, как и остальные, провожал ее взглядом. Две секунды, три...

В шлеме кто-то охнул – не то Тереза, не то Хайфа-Мария. Ракета врезалась в брюхо челна, который, качнувшись, попытался отвалить в сторону с ее пути, и взорвалась.

– Броня выдержала, – произнес отец-командир. – Экипаж, спокойно, машина под контролем. Десант, продолжайте движение, быстро.

– Вперед! – Настька, вскочив, помчалась к павильону.

Нет, конечно, далеко не все теперь было в порядке: навигационная система сбоила, блаженный, днище которого украсилось черным пятном с потеками металла, начал медленно вращаться, задрав хвостовую часть. Передаваемая с камер челна карта местности в нижней части всех забрал пошла крупнозернистыми помехами и погасла.

Затрещал автомат Настьки, и тут же два других. Солдаты были уже возле ангара, подбегали сбоку от торцевой стены с распахнутыми воротами. Паплюх произнес:

– Управление восстановлено. Десант, уничтожить противника!

Он не договорил, голос Насти прервал его:

– Третий, четвертый, пятый – в обход. Осмотрите постройку, могут быть другие двери.

Тимур, Акмаль и Хайфа-Мария побежали вокруг ангара. На ходу Тим оглянулся: челн выровнялся и быстро «пятился» от здания. Нижняя часть забрала мигнула, в наушниках раздалось едва слышное гудение: сопроцессоры костюмов пытались сгенерировать собственную карту местности.

Стена ангара, плоскость из тусклого ребристого железа, была сплошной, никаких дверей. Иеросолдаты гуськом двигались между нею и высокими кустами. Бегущий вторым Тимур вдруг сообразил: он не понимает, кто впереди – Мария или Акмаль... Одинаковые костюмы и шлемы, нейтральные движения десантника – не разберешь, девушка или парень.

Заработала карта. Автономные топливные элементы не позволяли задействовать постоянное высокочастотное излучение, и слабые радары выдавали грубую схему из квадратов и прямоугольников, к тому же, несмотря на то что соединялись сигналы всех костюмов, значительная часть пространства оставалась размытой. Однако стало понятно, что остальные десантники уже проникли внутрь ангара (выстрелы доносились частыми очередями, к сухому стрекоту «ацилутов» добавился звук другого оружия) и что впереди Тимура движется номер пятый, то есть Хайфа-Мария – отвечающая за картографирование программа высветила всех иеросолдат в виде привычных кружков с цифрами.

– Вторая группа, что у вас? – голос Настьки.

Выстрелы стали реже, лишь отдельные хлопки доносились из здания. Миновав угол, Мария остановилась и сказала:

– Здесь было окно. Можно сломать...

– Третий номер?

Сообразив, что вопрос обращен к нему, Тимур шагнул ближе к инокине. Акмаль встал неподалеку, водя стволом из стороны в сторону. Они оглядели большой, заколоченный фанерой квадратный проем, расположенный в противоположном от ворот торце ангара.

– Первый, здесь окно, – сказал Тим. – Можем его вскрыть. Что внутри?

– Противник залег. Там много укрытий, но если вы ударите сзади... Пяти секунд хватит?

– Да.

– Приступайте. Синхронизируемся, накроем их встречным огнем. Пошел отсчет: пять... четыре...

Включив генератор виброштыка, Мария шагнула к проему, и тут он взорвался.

* * *

Позже Тим подумал, что в фанере была трещина или небольшая дыра, десантница закрыла проникающий сквозь нее свет – и находившийся по ту сторону человек определил, что кто-то приблизился к проему.

Шлем Хайфы-Марии треснул, инокиня упала.

– Что? Что у вас?! – одновременно закричали Настька с Паплюхом, а Тимур, просунув внутрь автомат, уже стрелял, поливая пулями царящую в ангаре полутьму, видя светлый прямоугольник ворот на другой стороне, частично скрытый какими-то массивными предметами, суматошное движение среди теней... И худого подростка с древним помповым ружьем. Он стоял недалеко от окна, во второй руке его была большая неказистая граната. Тим попал ему в грудь и живот, когда только начал стрелять, еще не видя, куда палит.

Глаза немного привыкли к освещению; Тимур заметил, как позади юноши последние американцы скрываются в обширной темной прорехе в полу.

– Вниз уходят! – выкрикнул он. Рожок «ацилута» опустел, автомат смолк. И одновременно пальцы подростка, который все это время медленно заваливался на бок, уставившись на Тима удивленно-испуганными глазами, разжались.

На другом конце ангара сквозь освещенный проем один за другим вбегали иеросолдаты. В шлеме голосил Паплюх, что-то настойчиво спрашивала Настька, но все это происходило и звучало где-то далеко, внимание Тимура было занято иным: он не отрываясь смотрел на убитого им человека и гранату. Большая, округлая, со следами пайки на ребристой поверхности, наверняка самодельная, – выскользнув из пальцев, она с мучительной неспешностью падала, приближаясь к бетонному полу, и кольца, соединяющего спусковой рычаг с трубкой ударного механизма, не было...

– Осторожно, граната! – выкрикнул Тимур, отпрянув от окна. Хайфа-Мария лежала на земле, шлем ее валялся неподалеку; Акмаль, присев рядом, хлопал инокиню по смуглым щекам.

Граната взорвалась. Поток воздуха ударил из проема рядом с Тимуром, грохот, будто облако раскаленного газа, расширился, заполнив помещение, несколько мгновений под давлением вырывался наружу сквозь ворота и окно, а потом схлынул, затих.

– Первый, доложить обстановку! – произнес в наушниках голос отца Карена.

Настька молчала. Перезаряжая автомат, Тим заглянул в проем и сказал:

– Пятый контужен, шлем поврежден. Необходима эвакуация. Противник...

– Противник скрылся под землей, – перебил голос Настьки, и одновременно Тимур заметил десантников: три головы, возникшие на фоне светлого прямоугольника, исчезли, тут же слева появилась фигура, крадущаяся вдоль стены, потом такая же – справа... В нижней части забрала было видно, как все три кружка приближаются к Тиму, вернее, к той области карты, где находилась его метка с цифрой три. А вот подросток исчез: взрыв отбросил тело куда-то в сторону. Тимур, вслушиваясь и вглядываясь – ведь кто-то из противников мог не прыгнуть в широкий проем, что виднелся возле баррикады из мебели, но остаться наверху, поджидая десантников, – шевелил губами, едва слышно благодаря Всевечного, который милосердно позволил ему не видеть исковерканного взрывом тела юноши, молился, понимая, как мелко и эгоистично звучит его молитва: нельзя все на свете, все события относить к делам Господним, наивно это и глупо.

Хайфа-Мария очнулась, но идти пока не могла, ее сильно тошнило, кружилась голова. Встав, инокиня зашаталась, Акмалю пришлось обхватить ее и прижать к себе. Настька тем временем докладывала командованию:

– В ангаре необычная обстановка. Какая-то мебель древняя, а еще половина дома, стена с окном, за ней пол и часть крыши. И кадки с деревьями. А деревья ненастоящие, вроде...

Костя пояснил:

– Это павильон для съемок. Американцы здесь фильмы делали до Кары.

– Куда скрылся противник? – спросил Паплюх.

– Проем в полу, под ним лестница. Была прикрыта железными листами, сейчас они рядом валяются. Пятый дальше передвигаться не может, сильно контужен. Что нам делать?

– Отправляем к вам Чекалова и Маслова, будут через две минуты. Оставьте Марию под стеной ангара, ее переправят на борт. Спускайтесь за противником, немедленно. Надо понять, для чего они здесь собрались, что под этим Голливудом спрятано.

* * *

– Не понимаю, что там светится? – спросила Тереза.

Переключившись в режим ночного видения, они сбежали по ступеням и заняли позицию в начале просторного зала, где заканчивалась идущая из-под ангара лестница. Пол был решетчатым, но что под ним – не видно. Вмонтированные в шлемы ПНВ наполнили пространство бледно-зеленой мутью. Далеко впереди, на другом конце помещения, светились два прямоугольника, из одного поднимался травянистый дым, оттуда шло тепло.

– Впереди еще одна лестница, – сказала Настька. – И лифтовая шахта. Нас слышно? Паплюх, отзовись!

Роман молчал: сквозь толщу бетона и металла радиосигналы не проходили.

– Возможно, какой-то подземный павильон для съемок? – предположил Костя. – А вон движется что-то.

Тимур прятался за перевернутой деревянной будкой, когда-то стоявшей на четырех колесах, наверное, предназначенной для перемещения кинокамеры. Он тоже заметил, как зеленый дым, поднимавшийся из квадратного отверстия шахты, стал гуще, плотнее... Там что-то сдвинулось, дым плеснулся, и возникла фигура с длинной трубой на плече, которую человек поддерживал обеими руками.

– Вперед! – крикнула Настька.

Они побежали к лифту, расходясь веером, а навстречу с ревом понеслась сияющая полоса. Волны света ударили во все стороны, затопив зал. ПНВ автоматически отключился, ослепший Тим начал стрелять, бросился на пол... позади гроыхнуло: граната врезалась в стену возле лестницы. Видя, что остальные опередили его, Тим вскочил, метнулся дальше. Вновь стало темно, и заработавший ПНВ погрузил солдата в полное призраков мутно-зеленое пространство.

Тяжело дыша, Тимур остановился возле широкого проема, рядом с которым уже находились остальные. На утопленной в стену панели светились круглые кнопки, решетчатая дверь поднята. Вслед за Настькой и Ратмировым он нагнулся, заглядывая. Вниз уходили пролеты железных штанг, перемычки, прутья; далеко-далеко виднелся квадратик – не то пол, не то крыша опустившейся лифтовой платформы.

– Куда делся стрелявший? – спросил Костя, шагнув к проему рядом с шахтой. – Так, здесь лестница. Слышу, он вниз бежит...

Все поглядели на Настьку, которая вдавила одну из круглых кнопок на панели.

Под ногами едва слышно загудело.

– Лифт поднимается, – сказала она. – Третий, шестой – вниз по лестнице, попытайтесь догнать гранатометчика. Мы поедем на лифте либо спустимся по решетке шахты... сейчас посмотрим, что там с этим лифтом.

– Есть! – одна из зеленых фигур поспешила к лестничному проему. Одновременно на карте в нижней части забрала кружок с цифрой шесть, обозначающий Терезу Альбади, развернулся стрелочкой к гармошке лестницы. Тим зашагал следом.

– Третий, свет внизу, – сказала Тереза, когда Тимур нагнал ее. Они спускались почти бегом, двигаясь по противоположным сторонам лестницы, под стеной и вдоль перил. Три стены шахты были из бетона, четвертая, со стороны лифта, – железная.

– А гранатометчика не слышно теперь, – добавила она.

– Третий, что у вас? – спросила Настька. Ее голос плыл, звучал то громче, то тише.

– Спускаемся, – доложил Тимур. – Пока никого не видно, хотя внизу свет. Как у вас?

– Платформа подъезжает. Она без крыши, там никого нет. Двигается быстро, спустимся в ней. Здесь связь плохая, если заглохнет совсем, предупреждаю: будем ждать вас внизу. Если спуститесь первыми, ждите нас. Попытаемся... – последние слова звучали едва слышно, а теперь голос Настьки и вовсе смолк.

– Первый, все понял! – на всякий случай сказал Тим. Десантники миновали уже три пролета. Площадки между ними были железными – массивные пупырчатые листы в ржавчине. Перила состояли из толстых прутьев, поверх которых наварены длинные куски арматуры.

Тереза достигла площадки, сделала пару шагов и остановилась, поджидая Тимура. Свет внизу становился все ярче – вскоре ПНВ вновь выключатся. Тим кивнул напарнице и выглянул за перила.

С пролета ниже на него смотрело лицо: человек спиной перегнулся через ограждение, направив в сторону преследователей широкий ствол.

– Осторожно! – заорал Тим.

Он отшатнулся; граната снизу врезалась в площадку, на которой стояли иеросолдаты, и взорвалась.

Их подбросило, Тимура швырнуло к перилам, а инокиню – к бетонной стене. Со скрежетом тяжелый железный лист приподнялся, после осел; темно-зеленое пространство закачалось, изгибаясь, выворачиваясь наизнанку. Тим животом свалился на перила – голова по одну сторону, ноги по другую... Площадка обрушилась, и он полетел вниз, но успел вцепиться в попавшийся под руку прут.

ПНВ отключился, и на несколько мгновений окружающее исчезло.

В наушниках прорезался голос Настьки:

– Третий, что у вас?! Третий, шестой! Отвечайте! Что там взорвалось? Мы из-за этого застряли!

Зашипело, затрещало, и голос смолк. Окружающее медленно проявлялось в забрале – узкое полутемное пространство, озаренное льющимся снизу светом, полное гнущего железа, опасных острых сколов, тонкой, способной проткнуть живот или впиться под ребра арматуры, – и пространство это поскрипывало, проседая, складывалось под собственным весом, прессуя, сжимая самое себя...

– Шестой! – позвал Тимур. – Тереза, слышишь?

Внизу что-то зашевелилось, и тут же по едва уловимому изменению тональности звуков, а еще по возникшему в металле напряжению Тим понял, что сейчас остатки лестницы, которые постепенно съезжали вдоль стенок шахты, рухнут и сломают, сомнут его тело.

– Тереза, в сторону! – заорал он.

Вскинув ноги, кувыркнулся и плечом упал на сильно накренившуюся площадку. Лестница осела, со скрежетом и дребезжанием обломки провалились. Тимур вскочил, двигаясь вместе с площадкой сквозь глухой металлический стон, лязг и хруст, побежал, будто с крутой горки, оттолкнулся от края и прыгнул.

Он свалился на бетонный пол, а из проема за спиной ударил поток воздуха, полного ржавой пыли.

Лестница обрушилась, сложилась в стопку искореженного железа. Тимур упал неудачно – вытянув перед собой правую руку, на которую в результате будто напоролся, так что плечевой сустав хрустнул, едва не сломавшись. Еще он сильно ударился шлемом о бетон, и забрало несколько раз мигнуло, то открывая для взгляда озаренный светом прожекторов зал, то погружая его во тьму. Прежде чем электроника вышла из строя, Тим заметил, что зал имеет Г-образную форму. Потолок был низким, на покосившихся треногах стояли горящие вполнакала прожекторы, идущие от них черные провода исчезали в отверстиях под стенами.

Забрало окончательно помутнело; внизу, в районе груди, раздался тревожный писк.

– Первый! Настя! Костя, Акмаль, слышите?!

Тишина в ответ. Шлем глушил звуки, наушники же больше не работали. А ведь человек с гранатометом может быть где-то рядом и напасть в любую секунду... Тим запаниковал, ощущая себя слепцом, вокруг которого бродит враг с острым ножом; каждое мгновение в него могло вонзиться заточенное лезвие, а он беззащитен и ничего не видит. На ощупь отыскав крышечку на тыльной стороне запястья, отщелкнул, прижал тугую прямоугольную клавишу с ребристой поверхностью.

Зашипел сжатый воздух, и шлем сам собой отпал, отлипнув от гибкой трубки вокруг шеи.

Прямо перед ним на спине лежала Тереза. Инокиню прижало лестницей, толстый арматурный прут пробил грудь – броня должна была защитить, но сверху, будто молот по гвоздю, по арматуре ударила площадка, с которой спрыгнул Тимур. Угол ее проломил шлем, раскрошив забрало.

Тим поспешно отвернулся. Из-за поворота доносился шум. Что там? Он привстал, стараясь не думать про лежащую рядом инокиню. По полу впереди тянулось широкое углубление – начиналось возле черного проема в стене и пропадало из виду за углом зала.

Человека с гранатометом здесь не было. И автоматы остались где-то под грудой железа. Скосив глаза, Тим заметил пистолет на поясе Терезы. Значит, инокиням приказали вооружиться не только «ацилутами» и ручными пеленалками...

Он протянул левую руку, не поднимая взгляда на пробитый шлем, снял пистолет и только тогда понял, что рядом висит штык-нож. В нижней части торчал стержень с нарезкой, благодаря которому штык соединялся с оружием. Тим снял нож, пристегнул к фиксатору на боку. Доносящийся из другого конца зала гул стал громче, и вдруг там проехала платформа с низкими, наваренными второпях железными листами по бокам. Она возникла из проема в стене, прокатившись мимо, исчезла за углом. Колес не видно... ага, рельсы там в углублении проложены!

Тим вскочил. Судя по звукам, вагон остановился сразу за поворотом. Тимур шагнул ко входу лифтовой шахты с поднятой решеткой, заглянул: темно, ничего не видно. Хотя... да, вроде что-то едва заметно светится далеко вверху. Должно быть, кабина застряла примерно на середине.

– Эй! – крикнул Тимур, и голос отразился от стенок шахты, постепенно слабей: «Эй... эй... эй...»

Показалось, что в ответ доносятся приглушенные голоса... нет, это сзади! Он развернулся, подняв пистолет в левой руке; правая висела вдоль тела, от плеча к запястью пульсациями стекала боль.

Голоса доносились из-за угла – мужские, женские...

Перед глазами вдруг встало лицо Терезы, хотя Тим так и не увидел его под забралом, – исковерканное, с проломленным лбом, раскрошенными зубами и вдавленными чуть ли не в

гортань деснами... кожа ее потемнела... не Тереза, это та негритянка! Но ведь он не убил ее, только прикладом ударил...

Прикусив губу, он побежал. Господи, избавь от сомнений, укрепи сердце, очисти душу, не дай дрогнуть руке! Миновав тихо гудящий прожектор, вылетел в другую половину зала и увидел открытый вагон, полный пассажиров. Там были женщины, мужчины, молодые и старики, дети – больше двадцати гражданских. Как Тимур и предполагал, по широкому углублению шли рельсы, выныривали из темного проема и пропадали в таком же на противоположном конце помещения. Последние люди как раз переходили на платформу. В углу гудел трансформатор, что-то щелкало и позванивало, по бетону виселись провода.

Ближе всех к Тиму стояла худая девушка, у ног ее лежал гранатомет.

Так это она стреляла? Заметив стариков с детьми, Тим опустил пистолет – но увидев американку и сообразив, кто виновен в смерти Терезы, тут же прыгнул вперед, вскидывая оружие.

Она стояла вполоборота, приподняв ногу, собиралась шагнуть к платформе, а когда он возник из-за поворота, обернулась. Молодая, может, немного старше Тима, одета в широкие мужские штаны, темный свитер. Грязные резиновые сапожки, патронташ через плечо...

Американка развернулась на одной ноге, другой, вмазав по его запястью, выбила пистолет. Если б правая рука действовала как надо, он бы свалил безбожницу в пару секунд – но конечность едва двигалась, а от боли Тима все еще тошнило.

Ребром левой руки он ударил ее по плечу. Девушка отшатнулась. Трансформатор загудел громче, и вагон поехал.

Тим схватился за штык-нож, но достать не успел: безбожница налетела на него, обхватив друг друга, они рухнули в узкое пространство между рельсами, прямо в маслянистую лужу.

Шпал тут не было. Костюм смягчил падение, хотя головой Тим приложился изрядно. Он оказался внизу. Американка уселась верхом, лицом в ту сторону, куда уехала платформа... А с другой стороны из туннельного зева донесся нарастающий стук: следующий вагон подкатывал к станции.

Тимур попытался вывернуться, высвободить руку, но безбожница прижала его запястье к рельсу. Платформа приближалась – она не сбавляла ход, как первая, колеса постукивали в быстром темпе. Тим ощущал, как содрогается, вибрирует холодный липкий металл под запястьем. Еще мгновение – и колесо раздавило бы кисть, но девушка вдруг развернулась, вскинув руки. Ее колени сильнее сжали бока и тут же разжались, а затем грохочущая платформа сдернула американку с иеросолдата.

Все же вагон ехал не настолько быстро, чтобы размозжить ей голову – ноги девушки проволочило по груди Тимура, по лицу, затем вагон оказался прямо над ним, а она исчезла из виду. Стало темно, вокруг все грохотало, звуки бились в узком пространстве. Он нащупал штык-нож на боку. Ржавое, во впадинах и выступах днище платформы проносилось низко над лицом, едва не задевая кончик носа... Тим провернул стержень в нижней части штыка и ощутил, как дрожь, которую не мог полностью погасить даже мощный демпфер у основания стержня, сотрясла запястье: включился вибропривод.

Вагон затормозил перед станцией, но не получил сигнала к остановке и начал ускоряться: неровности днища смазались, стук колес стал чаще, почти слился в монотонный протяжный звук...

Тим развернулся в тот миг, когда край платформы пронесся над ним, привстал, взмахнув рукой.

Еще только появившись в зале, он заметил, что большая часть вагона железная, но вот пол состоит из плохо пригнанных, разбухших от влаги, пропитавшихся бензином и машинным маслом досок, – и надеялся, что во втором вагоне все обстоит так же.

Он не ошибся: мелко вибрирующий штык вошел в дерево, будто в песок.

Хорошо, что здесь не было шпал, а то бы разворотило колени и отбило внутренности. Тимура поволокло по бетонному полу; сжимая стержень-рукоять, он подтянулся. Ноги содрогались, подскакивали. Тим вцепился в низкие перильца, упер ступню в край доски, затем сумел оторвать от пола между рельсами вторую ногу.

Согнувшись в три погибели и держась за ограждение, выглянул. Платформа въехала в туннель; под низким покатым потолком горели тусклые лампочки, но их было мало, Тим почти ничего не видел. Вагон длинный, куда больше того, на котором уехали гражданские. Будто в пригородном монорельсе, здесь стояли два ряда сидений. В передней части было возвышение, там что-то едва заметно светилось, а рядом маячила человеческая фигура.

Колеса стучали, под днищем гудело и лязгало. Тимур выдернул штык из доски, отключил привод. Перелез через ограждение, присел в проходе, вглядываясь, опять включил нож и стал осторожно пробираться вперед.

* * *

Он вновь замер, когда до цели оставалось метра три. Правая рука ныла так, будто по плечу ломом ударили, пальцы наполовину онемели. Тимур мог шевелить ими, мог держать штык-нож, но сжать в кулак, а потом нанести более-менее приличный удар – нет. Вагон, стуча и покачиваясь, ехал сквозь тьму, в которой тонкими прямыми росчерками мелькали горящие под сводом лампочки. Теперь Тим отчетливее видел тумбу пульта управления со слабо освещенной верхней панелью. И девушку рядом. Слегка пригнувшись и отвернув голову от потока встречного воздуха, она искоса глядела вперед.

Тим полз долго, потому что двигался очень медленно. Это было мучительно: хотелось броситься вперед, прыгнуть, свалить девицу на пол, но поступать так было нельзя, американка показала, что умеет драться, – и он сдерживался изо всех сил. Всю дорогу от одного конца платформы до другого он молился, беззвучно шевеля губами, а колеса стучали, под днищем гудело и лязгало, шумел поток встречного воздуха, поскрипывали доски пола – и в какой-то момент Тиму показалось, что звуки раздаются в унисон с его словами, что весь темный мирок, сквозь который несетя платформа, молится вместе с ним.

Девушка обернулась в тот момент, когда Тимур выпрямился. Не иначе сам Дадал шепнул ей на ухо, что приближается враг! Американка не просто развернулась – выбросила руку, и тыльная сторона ладони врезала ему по губам.

Штык-нож отлетел в сторону, а Тимур, прикусив язык, нагнулся и прыгнул, словно бык, который стремится вздернуть кого-то на рога, не замечая ударов, тяжелым градом сыпавшихся на плечи, голову, спину...

Он обхватил безбожницу за торс, приподняв, отшвырнул. Она боком свалилась на пульт управления, охнула, поворачиваясь... Тимур увидел: из тумбы торчат два крючка, на них висит длинная корзина, в которой лежит оружие. Он сунул туда руку одновременно с девушкой, она ударила Тима коленом в бедро, они рванули в разные стороны, лязгнув железом, отскочили.

В правой руке Тимура оказался пистолет необычной формы, у противницы – маленький автомат. Иеросолдат успел выстрелить первым – но рука едва двигалась, пуля пронеслась мимо, – потом ствол автомата устался в его грудь, и Тим что было сил прыгнул в сторону.

Страх придал прыти. Перескочив через спинку, он свалился в узком пространстве между сиденьями и пополз, пригнув голову, к другому концу вагона.

В темноте позади застучал автомат. Звук был не такой, как у «ацилутов», напоминал глухое кашлянье. Над головой скрипнуло; сиденье, под которым Тим в этот момент полз, просело, треща...

Автомат смолк.

Тимур преодолел половину платформы. Должно быть, у американки закончились патроны, и пока она не успела перезарядить оружие, он выкатился в центральный проход, вскочив, метнулся обратно.

Но возле пульта девицы уже не было. Когда Тим пополз прочь, она вскочила на спинку сиденья и побежала по ним, перепрыгивая с одной на другую.

Фигура мелькнула сбоку – они заметили друг друга одновременно. Тим, пригнувшись, начал стрелять, а девушка на ходу перезаряджала автомат, прыгая по спинкам. Он вылетел к пульту, поскользнулся на влажных досках и упал, ударившись плечом. На другом конце вагона американка свалилась за последним сиденьем. Сразу же поднялась на колени, вскинув оружие, выглядывая, – и тут платформа пронеслась под утопленным в свод прожектором. В отличие от ламп, он горел ярко, и слепящей плетью полоснул по вагону.

Перед глазами Тимура пространство бесшумно взорвалось, развалилось на сияющие белые осколки, разделенные резкими черными тенями, которые залегли под пультом и между сиденьями, – все это стремительно сдвигалось, корежась, тени вытягивались, освещенные участки плюшились и дробились, – но все же на другом конце гротескного изломанного пространства он разглядел голову и плечи девушки, оружие в ее руках...

Тимур выстрелил. Пули из автомата ударили его в грудь, он упал на спину. Свет прожектора погас.

* * *

Он сел, прислушиваясь, но сквозь стук колес и лязг не доносился звук осторожных шагов. Американка либо убита, либо ранена. Или, возможно, пока еще просто не пыталась подкрасться к нему.

Тимур провел ладонью по груди. Три кольцевых «волны», будто метеоритные кратеры, внутри – покатые гладкие углубления... Динамическая броня костюма «съела» пули, задержала их в себе. Он отполз к пульту, сел, привалившись спиной, чтобы видеть проход между сиденьями. Поднял пистолет на ладони. Лампочки редким пунктиром пронеслись вверху, озаряя рукоять, приваренную к стволу-трубке, кривой спусковой крючок... Да он самодельный, этот пистолет! Неужели и автомат такой же? Поглядывая в проход, Тимур щелкнул крышечкой на торце рукояти, с трудом выудил обойму, покрутил в пальцах, разглядывая, вытащил патроны и вновь зарядил. Всего их там помещалось десять, а осталось пять.

Он привстал сбоку от пульта. Американки не видно. Может, убита? Надо пробраться между сиденьями... нет, не получится, если жива – сразу пристрелит. Время сейчас было на ее стороне: вагон приближался к тому месту, куда уехали гражданские, их там могло быть много, вооруженных... Надо остановить вагон! – понял Тимур. Вывести из строя, затормозить... Он приподнялся, глядя над сиденьями. Лампочки мелькали вверху, вагон будто мигал: тускло вспыхивал в темноте и тут же мгновенно съеживался, схлопывался внутрь самого себя, возникал вновь и опять пропадал.

Тимур стал нажимать на клавиши в верхней части пульта – сначала придавливал их пальцами, потом принялся стучать ладонью. Никакой реакции, платформа неслась с той же скоростью. Ему даже показалось, что она стала двигаться быстрее.

И девицы все еще не видно, прячется там, возможно, целится в него... Со всей силы он ударил угловатой рукоятью пистолета по стенке тумбы. Потом еще раз, сильнее. Затрепал, крошась, пластик, по нему разбежалась паутина трещин. Тимур выстрелил туда, и боко-

вая панель провалилась. Жужжание, все это время едва слышно льющееся изнутри, стало громче. Какие-то тумблеры, схемы с неряшливой пайкой, провода без изоляции... Он вставил пистолет в отверстие и нажал на курок. Сыпанули искры. Вдавлив поглубже, немного повернул ствол, выстрелил опять. Из пульта донеслось жужжание, потянуло паленой пластмассой.

– Нет! – прокричал голос сквозь стук колес. – Не надо, мы опоздаем!

Тим выдернул ствол, повернувшись к проходу в тот момент, когда девушка прыгнула на него.

Без автомата – значит, запасного рожка у нее не было.

Но с включенным штык-ножом в руках.

Острие вонзилось Тимуру между ребер слева.

На мгновение два механизма – управляемая вязкость брони костюма и вибропривод штыка – вступили в скоротечное противоборство; будто включенный утюг сунули в морозилку. Тимур выстрелил, пуля ушла в свод туннеля. Из тумбы в сцепившихся людей ударил сноп искр, платформа рывком увеличила скорость, опрокинув их под сиденья. В ноже что-то очень тонко, надрывно заскрежетало, так что у обоих заныли зубы, а потом штык отключился, что и спасло Тима: еще мгновение, еще на полсантиметра глубже – и сердечная мышца стала бы наматываться на бешено дрожащий заточенный металл, как водоросль на винт корабля. Хрипя от боли, Тимур ударил девушку пистолетом в скулу, опрокинул, выстрелил – пуля вонзилась в дерево возле ее уха. Тимур уселся на американку верхом, вдавлив ствол в закрытый глаз. Голова кружилась, грудь терзала боль – в любой момент он мог потерять сознание.

– Ты убила Терезу, – прохрипел Тим, плохо понимая, что говорит. – Я сейчас убью тебя.

Вцепившись в его запястье, пытаясь отвести пистолет от лица, она спросила:

– Кого я убила?

– Терезу! Ту, что была со мной на лестнице!

– Я защищала наших!

– От кого защищала?! – выкрикнул он, наклонившись, сильнее вдавлив ствол. – Мы бы не стали стрелять по женщинам и детям!

– Но вы не пустили бы нас! Сигнали с платформы...

– Не пустили? Куда?

– Сюда!

Должно быть, американка знала, сколько времени займет поездка, либо расслышала сквозь лязг и стук эхо проникающих в туннель звуков. Она дернула головой, вывернувшись из-под пистолета, одновременно распрямленной ладонью ударила по торчащему из груди Тимура штык-ножу.

От боли мир потек теплой розовой пеной; Тим выстрелил, вогнав две пули в доски, боком свалился с девушки, крича и дергаясь.

И через мгновение вагон вылетел в большую пещеру, где каменные глыбы соседствовали с металлом, щебень и текущие из трещин подземные родники – с пластиком и железными трубами.

Американка приподнялась, одновременно Тимур привстал на локте. Он помнил, сколько патронов было в обойме и сколько раз нажал на курок, – больше Тим стрелять не стал, ударил рукоятью. И попал в висок. Девушка без звука упала, зрачки ее поползли вверх.

Бросив пистолет, Тимур встал на колени, выдернул из брони штык-нож. Пещера качнулась, закружилась... Выпустив оружие, он вцепился в спинку сиденья, навалился на него грудью, зажмурил глаза и сжал зубы так, что в ушах начало гудеть, а челюсти свело спазмом. Но в голове от этого чуть прояснилось, и Тим кое-как выпрямился.

Туннель закончился метрах в двадцати над полом, дальше рельсы тянулись по широкой каменной полке, которая тремя длинными витками сбегала вниз. Там они расходились, будто прутья веника, – пять, семь, девять... больше десятка тупиков, и почти на каждом стояла платформа. Все это озаряли несколько прожекторов.

В центре пещеры, устремив вверх покатый носовой обтекатель, высился космический челн.

Тимур узнал его – «Рапид», один из тех транспортников, что доставляли эмигрантов к строящимся на орбите межсфирным ковчегам. Так вот в чем дело! Было неожиданно увидеть секретный космодром в пещере и готовящийся ко взлету древний «Рапид», простоявший тут не одно десятилетие, – и в то же время это было логично: ну конечно, граждане Гуманитарного лагеря нашли его, подготовили к старту и теперь собрались покинуть Землю. Транспортник вряд ли может доставить их на другую сферу, но до Луны доберется. Только вот... разве можно стартовать в пещере, когда под соплами каменный пол?

Вагон летел вдоль стены по кругу, постепенно опускаясь. Ногой оттолкнув штык-нож далеко в сторону, Тимур сел, поглядел на американку. Лежа на боку, она морщилась, пытаясь встать. Голова безбожницы тряслась, по скуле текла кровь.

– Внизу стоит контроллер с реле, – хрипло прошептала она, с трудом переворачиваясь на живот. Говорила девушка с сильным акцентом. – Переводит стрелки каждый раз, когда подходит новый вагон. Чтоб он попал на пустую ветку. Подает сигнал, здесь включается тормоз... Теперь мы не затормозим!

– Не затормозим? – Тимур поглядел на раздолбанный пульт управления. – И что будет? Она подвела под себя руки, приподнялась и рухнула обратно.

– Врежемся. Умрем. Мне все равно. Я... теперь лучше умереть.

– Может, еще спасемся, – сказал он.

– Не хочу. Если не могу улететь... Я не отсюда, понимаешь?!

– Что? – Тимур удивленно поглядел на нее.

– С Марса. Здесь для того, чтобы помочь им скрыться от вас, мы просочились сквозь вашу охрану на орбите, наша группа...

– Ну тогда добро пожаловать на Землю, – сказал он, через силу улыбаясь. – Уклад примет тебя.

Вновь перевернувшись на бок, она попыталась ударить его, но Тим легко перехватил руку. Потом выпрямился, побряхтывая и стараясь дышать неглубоко. Боль расходилась от сердца резкими горячими пульсациями.

В огромной пещере все было неподвижно, лишь вагон, стуча колесами, несся вдоль стены. Встречный ветер бил в лицо, норовил опрокинуть, сбросить с платформы. До пола оставался один виток.

Держась за спинки сидений, он доковылял до пульта управления. Наружу все еще сочился вонючий дымок, тут же уносимый прочь потоком воздуха, но внутри уже не горело, искры не сыпались. Тимур пробрался между сиденьями к бортику, выглянул. Возле основания челна шло бетонное кольцо, скрывающее опорную юбку вокруг дюз и пространство под ними. По сторонам высились решетчатая кабель-заправочная башня, мобильная ферма обслуживания с раздвижными балками и кран для монтажа груза. Вдоль корпуса тянулась пара узких емкостей подвесного топливного отсека, который отстреливался через некоторое время после старта.

Держась за ограждение, Тимур присел, разглядывая «Рапид». Он знал: двигатели челна могут создать полную тягу всего за несколько секунд и выплеснуть при этом акустическую волну, способную раздробить человеческое тело, растерзать, сломав кости и порвав сухожилия.

Циклограмма запуска явно подходила к концу. Все это время челн низко гудел – а теперь одна из ферм, самая высокая, с захватами на конце, дрогнула. Могучая решетчатая консоль – клешня, обжимающая корпус под носовым колпаком, – начала раздвигаться. На четырех больших черных колесах башня тяжело покатила прочь от челна по коротким рельсам. Одновременно возле дюзов блеснули искровые воспламенители, выжигая газообразную топливную фракцию, которая из-за утечек могла к этому времени скопиться под двигателями и после их включения вызвать аварию.

Поток света обрушился в пещеру, медленно расширяясь: вместо свода ее накрывали огромные круглые створки, и теперь они поползли в стороны, обнажив полосу неба.

Вокруг основания челна шла выкрашенная синей краской труба – толстое кольцо на коротких опорах, – лишь немного приподнятая над бетонным бортиком. От трубы тянулось несколько десятков шлангов, которые заканчивались возле ряда синих баков, стоящих вертикально вдоль стены пещеры. Каждый был размером с пятиэтажный дом.

Вагон качнулся, достигнув пола. Во все стороны из-под «Рапида» ударил пар. Тимур уже видел плитки термической защиты, сложной мозаикой покрывающие фюзеляж, видел покатуя створку над грузовой палубой, утопленной в «спину» челна, и концы выдвигных крыльев, предназначенных для посадки, а сейчас скрытых в корпусе. На истории сфирографии им говорили: высота «Рапида» около восьмидесяти метров, масса покоя почти шестьсот тонн...

Люк над челном раскрывался, свет все ярче озарял корпус, и бьющий из-под него шипящий пар стал ослепительно белым, засверкал, как горные снега в лучах солнца.

По широкой дуге вагон приближался к развилке. Тимур вернулся в проход, обхватил неподвижно лежащую на боку девушку и с трудом приподнял. От напряжения сердце будто вскипело, обдав грудь раскаленными брызгами.

– Отпусти, – вяло сказала она, но Тим не слушал.

Он попятился, протискиваясь между сиденьями. Вагон несся по короткому прямому участку, приближаясь к месту, где рельсы разветвлялись на десяток коротких отростков, большая часть которых была занята другими вагонами. Тимура шатало, в ушах стоял непрерывный гул, а сердце колотилось так, что казалось – сейчас оно раздуется большим красным пузырем и лопнет, залив кровью грудную клетку.

Пар из-под основания челна валил все сильнее, с гудением вылетая в широкую щель между кольцевой трубой и бетонным бортиком. На что они рассчитывают? «Рapid» рассыплется на части, вся пещера рухнет, как только двигатели войдут в рабочий режим...

Вверху створки разошлись до предела, обнажив далекое небо. Стало очень светло, все грохотало и сверкало, хлопотал пар, мир вспыхнул лихорадочным румянцем и ухмыльнулся, разинув огромный безумный рот.

Девушка обвисла на его руках. Прижав к себе легкое тело, Тимур шагнул на бортик вагона, не понимая, для чего делает все это: в пещере не выжить во время взлета межсфирного челна. Да он и не взлетит... Платформа качнулась, достигнув разветвления. Колеса лязгнули. Впереди был тормозной брус – волей случая их вынесло на пустую ветку.

Во все стороны от челна покатила дрожь.

Тимур прыгнул. Он смог сделать несколько быстрых шагов на подгибающихся ногах, потом упал, выпустив американку, – а позади платформа врезалась в брус, вломила в него, смяв переднюю часть несущей рамы. Пульте управления взорвался пластиковыми осколками, заскрежетали сиденья, задняя колесная пара приподнялась над рельсами и с лязгом рухнула обратно.

Вагон встал. Тимур поднялся, схватив девушку под мышки, и ввалился в узкую дверь под нижним витком карниза, по которому проходили рельсы. Сзади под челном с треском разорвались опорные пироболты.

Пространство взвыло: двигатели вышли на максимальную тягу.

Но за секунду до этого в нижней части синей кольцевой трубы распахнулись люки – и сотни тысяч литров воды обрушились в котлован под «Рапидом», гася акустическую волну.

Межфирный челн начал взлетать. Тимур этого не видел. Они попали в узкую пещерку, помещение для обслуживающего персонала, – толстая мягкая обивка на стенах, пожелтевшая от времени пластиковая мебель, стол с выцветшими чертежами, разбитый монитор, сломанный кофейный аппарат в углу... Вход в помещение был овальным и закрывался тяжелым мощным люком. Тим навалился на него, с ржавым скрежетом провернул затворное колесо. Потом упал рядом с девушкой и умер, когда его сердце остановилось.

III

– Джейн Ичевария, – сказала Настька, присаживаясь на край кровати. – Так ее звать.

Константин, устроившийся на стуле возле тумбочки, кивнул, и Серега тоже закивал. Он ходил туда-сюда по палате, похожий на маленького взволнованного воробья.

– Ага, точно, отец Карен так и сказал: Джейн Ичевария. Ну что за странное имя?

– Имя как раз нормальное, – негромко произнес Костя. – Вот фамилия действительно необычная.

Они не принесли цветов, как положено навещающим больного. Где это видано, чтобы иеросолдаты, отринувшие суетное, отдавшие душу Всевечному и военно-космическим силам сферы, цветы друг другу дарили. И никаких фруктов тоже не принесли, врачи запретили. Хотя Тим быстро шел на поправку и уже мог ходить, не опираясь на палочку, его все еще кормили жидкой кашей да бульоном.

– У тебя организм был отравлен канцерогенами, – пояснил Костя. – После взлета пещеру водяные испарения заполнили, перемешанные с выхлопами отработанного топлива. Это давным-давно придумали: жидкость в бассейн под взлетающие челны заливать, чтоб их звуком не разносило на кусочки. А воду они из океана накачивали через подземные трубы, там ведь недалеко.

– Так что, считай, легко отделался! – подхватил Серега, садясь рядом с Настькой и несильно хлопая Тима по плечу. – Пока тебя наверх тащили, успел надышаться. Лекарь нам сказал по секрету: чудо, что выжил.

– Божье чудо! – взволнованно подтвердила Настасья, пристально и серьезно глядя на Тимура.

Они ушли, Тим взял с тумбочки электронную книгу, куда был загружен файл с текстом Библии Сокровенной, и долго читал. Вечером появился Паплюх, тайком притащивший плитку черного шоколада с орехами, которую, по его словам, отобрал у Кости – а тому отец прислал в посылке.

– Свезло, – подтвердил Роман слова иеросолдат. – По всему выходит, дочерь сия, Господа отринувшая, жизнь тебе спасла: сделала, бесстыдница, искусственное дыхание уста в уста, сняв костюм, по груди кулаком постучала, еще что, не знаю... В общем, растормошила сердечко, принудила забиться, а после отволокла на поверхность. К этому времени остальным, которые в лифте застряли, удалось по сетке наверх забраться. Сунулись в соседнюю шахту – а лестницы-то и нет, по которой вы спускались. Настька тогда приказала бежать всем наверх и докладывать, а сама осталась дежурить. Но она ж беспокойная... Пока они поднимались, пока связь наладилась и мы с отцом-командиром поняли, что к чему, – вниз как-то пролезла, увидела мертвую Терезу, зал со станцией и рельсами. Выбралась обратно, доложила... В общем, мы десант подняли на борт и полетели к горам, вслед за остальными челнами, потому что Карен решил: узкоколейка туда идет. Ты кушай, кушай шоколад, брат мой по оружию...

– Да мне нельзя, наверное, – возразил Тимур, рассматривая поблескивающую обертку с изображением верославного сфиронавта в скафандре, весело летящего по орбите вокруг сферы и машущего флажком.

– Можно, там эти... биофлавоноиды, они на сосуды хорошо влияют.

Тимур развернул обертку, отломил кусок, вручил Роману. Откусил и сам. Вкусно – сладко и одновременно горчит, но горечь приятная, от нее слюны сразу полон рот. И орехи на зубах аппетитно похрустывают, щелкают...

– Наши у тебя были, – не то спросил, не то констатировал Рома.

– Ага, – сказал Тим, жуя.

– И Костя, и Акмаль?

– Костя был, Серега и Настька, Акмалья не видел с Толяном. А что?

– Да вот, – Паплюх оценивающе оглядел Тимура, потом кивнул сам себе, будто придя к какому-то решению, и продолжал: – Мы, считай, закончили учебу, потому я теперь тебе это расскажу. Знаешь, что Костя, перед тем как в САВКС поступить, с собой покончить хотел? То есть не просто хотел – пытался.

– Как? Костик?! – поразился Тимур. Казалось невероятным, чтобы изящный, сдержанный, умный Ратмиров...

– Не может быть!

– Да нет, правду говорю.

– Но почему?

– Из-за любви несчастной, почему ж еще. Любовь эта его, когда он ей уже в чувствах признался, схиму приняла, ушла в дальний монастырь, навсегда... Ну, в монахини подалась, у которых обет безбрачия. Он тогда и попытался того... самоубиться, а после вознамерился в отшельники уйти, поселиться в ледяном ските где-то в этой... в земле Вилкса. Это, знаешь ли, Антарктика, там вроде кратер какой-то есть, так в нем около сотни отшельников живет. Вот, но отец его то ли уговорил как-то, то ли просто запретил. После попытался устроить сына в Академию. Тесты-то ПОДовские и экзамены Ратмиров на отлично сдал, но суицидников сюда не берут. Даже отец его митрополит не смог бы ничего тут поделывать, но Шахтар взял Ратмирова в свою дружину. Такие вот дела... А Толик? Про него знаешь?

– Рассказывай, – вздохнул Тимур, ожидая чего-то нехорошего.

– Он спортсменом был, чемпионом по борьбе какой-то. На соревнованиях проиграл в финальном бою – и решил сгоряча, что судья подсуживает противнику. Раззадоренный после боя, полез на него прямо там, в зале, схватил, прижал как-то... шею вывихнул и руку сломал, чуть не убил. Это было, когда Толик уже экзамены в САВКС сдал, прощальный бой, так сказать, назавтра ехать надо было. Милицейские скрутили, загребли... а что дальше? Или перементаливание, дабы агрессивность умерить, – а это ж всегда и изменение личности, без этого никак, – или в Гуманитарный лагерь... Тут как раз из Академии запрос им по сфиронету: где такой-то, почему не прибыл на место сбора, есть ли сведения? Ну, милицейские отвечают, как дела обстоят. И назавтра отец Карен самолично прилетает. Поговорил с Толяном у них там в комнате для допросов, а после и увез его. Сказал милицейским: в Академии перевоспитают нарушителя, не волнуйтесь. Вот так вот, брат Тимон.

Он со значением поглядел на Тимура, и тот сказал:

– Теперь Акмаль, да?

– Акмаль. Он с родичами жил на краю Тихоокеанской губернии, неподалеку от лагеря какого-то, где японы-безбожники обретались. С двумя братьями младшими, отцом-старичком и сестрой старшей. На челноке атмосферном летал, легком совсем, хлопок опылял. У них там на востоке, ты знаешь, трансгенный хлопок, и ткань из него можно, и для еды годится... Ну вот, и как-то японы взбунтовались. Вдруг у них такой свих в голове пошел, будто Уклад их чем-то через пищу травит, со свету сживает, но медленно, незаметно. И каким-то своим японистым заковыристым образом они решили: повинны в том фермеры-хлопкоробы. В общем, Акмаль в отлучке был, как вернулся – семья вырезана. Сестра его как раз замуж собиралась, уже день свадьбы назначили... Он из подвала взял оружие – у них на окраине можно разрешение получить простым мирянам, для самозащиты, ведь лагеря рядом. Взял все, что было, а было немало, полетел к соседнему лагерю и там низко над крышами... Давай, в общем, палить по гражданам да динамиты бросать. После опустился, с тремя автоматами пошел по кварталам, стреляя. Потом мирской патруль появился, обезоружили его, вернее, он сам бросил оружие. Японов к тому времени не осталось совсем. И тут выясняется – не те это японы! Понимаешь, Тима? Те, что семью Надириных зарезали,

из другого места пришли, и их уже взяли всех. Акмаль, узнав это, вырвался, патрульных расшвырял и убежал. Его полгода найти не могли, в полях затопленных прятался, в горах, сырой хлопок ел... Когда нашли – ровно зверь был, рычал и говорить не мог. После впал в кому на месяц. Как очнулся, его отец Карен в САВКС забрал. Так вот, Тимочка. Про Серегу не знаю я, хотя ты ж в курсе: шепутной он парень, несдержанный, как Настька, мельтешит... Наверняка тоже коллизии какие-то случались в жизни. Ну и мы с тобой...

– А что мы? – спросил Тимур, слегка придавленный услышанным. – У меня ничего такого не было.

– Точно не было?

– Ну... точно. А ты что?

– Я... знаешь ведь мои устремления: вверх вскарабкаться, ввысь, ближе к Божьему сиянию. А ты, Тимон, эмпатичный очень.

– Чего? Какой это?

Роман покосился на него и на вопрос отвечать не стал, сказал лишь:

– В общем, такие вот дела. В дружину нашу обычных отроков не набирали, нет. У всех какие-то душевные треволнения были. А почему так? Не знаю пока.

Положив остатки шоколада на тумбочку, Тимур сел. Рома сунулся было поддержать под локоть, однако Тим покачал головой и вежливо, но твердо товарища отодвинул, потому что хотел самостоятельно подняться, – спустил к полу похудевшие ноги, сунул в жесткие больничные тапочки ступни, кое-как выпрямился и, чуть покачиваясь, к окну пошел. Обстановка в палате была спартанская: узкая койка, тумбочка да шкаф в углу. Хорошо хоть отдельную палату выделили, не в общей положили. В груди, на которой жутковатый шрам остался, бледно-розовый и бугристый, закололо – но несильно совсем. Паплюх провожал взглядом, готовый в случае чего прийти на помощь, но Тим вполне бодро сам до окна доковылял, отодвинув занавеску, выглянул. Взору открылся внутренний дворик больничного стационара, скамеечки, кусты вдоль стен... Построек САВКСа отсюда не видно, они далеко в стороне, за бетонными полями плацев. Вот не думал, что попадет когда-то в это здание, оштукатуренный светло-серый куб, который часто наблюдал со стороны, маршируя в строю или направляясь к ангарам с челнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.